

№ 209.

Москва 19 Сеп-
тября 1827.

200.

10.

Car

10

Map one

1827.

Map

Н О В Ы Я
П О В Ъ С Т И,

ВЪ

ЮЛЬЗУ И УДОВОЛЬСТВІЕ
ДѢТЕЙ.

СОЧИНЕНІЯ ІАКОВА ГЛАТЦА.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

съ 6-ю КАРТИНКАМИ.

М О С К В А.

Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра 1827 года

Содержателя Н. Степанова

Печаташь позволяешся съ тѣмъ, что-бы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, предсавлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1827 года, Маія 2 дня. Сію рукопись разсматривалъ Магистръ

Иларіонъ Васильевъ.

Иларіонъ Васильевъ
Магистръ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Прилѣжный Карлъ	6
Карлъ занимается тѣлесными упражненіями	8
Прилѣжный садовникъ	12
Пріятности сада.	19
Зимнія увеселенія	24
Упражненія зимою	34
Весеннія удовольствія	37
Всякое излишество вредно здоровью	42
Подарокъ за испытаніе	46
Господинъ Бершрандъ	49
Өединька	54
Новый домъ	58
Прогулка	64
Буря	69
Утѣшеніе въ несчастіи	75
Благодарность	80
Лѣтнія занятія Өединьки	86
Жесткая поспель	92

Богатый, но несчастный человекъ	98
Упѣшеніе родителей	106
Легкомысленный Петруша	110
Слѣдствія необузданной болшливости	114
Жестoko наказанная безразсудность	119
Говори всегда правду	123
Ваничка лгунъ	125
Обѣщанное должно исполнить	131
Леопольдъ и Христофоръ	135
Гриша и Машинька	143
Честная женщина	154
Солнце	161
Небо усѣянное звѣздами	165
Луна	170
Неучтивый Лоренцъ	175
Согласіе	181

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Сіе маленькое сочиненіе послужитъ родителямъ подаркомъ для ихъ дѣтей, копорые, читая сію книжечку въ свободное время, могутъ почерпнуть изъ нея пищу для сердца своего и разума. Надѣюсь что сей маленькой подарокъ будетъ для нихъ пріятенъ.

Второе изданіе сей книжечки мною исправлено и умножено двумя вновь прибавленными къ прежнимъ повѣстями. Желая, чшобъ и сіе изданіе принято было споль же благосклонно, какъ и первое.

ВѢНА 1827 года.

І. Глатицъ.

Р: S: Руской переводчикъ, съ своей стороны, желаетъ только, чтобы переводъ его не былъ исключенъ изъ числа книгъ, назначенныхъ почтенными родителями и наставниками для чтенія ихъ дѣтямъ и воспитанникамъ, — и это почтенъ онъ себѣ величайшимъ награжденіемъ за свой трудъ. — При семъ почтиваетъ онъ долгомъ объяснить, что онъ не переводилъ стиховъ, приложенныхъ въ оригиналъ къ разнымъ повѣстямъ, и что стихи, помѣщенные въ Рускомъ переводѣ суть оригинальные, писанные извѣстными стихотворцами нашими.

Переводчикъ.

ПРИЛЪЖНЫЙ КАРЛЪ.

Карль, бывши еще пяти лѣтъ, просилъ неопшунно родителей своихъ, чтобъ начали его учить чипашь. Когда же мать принесла маленькую коробочку, то Карль открывши, чрезвычайно обрадовался, увидя въ ней множество буквъ, изъ коихъ каждая была наклеена опдѣльно на маленькомъ чешвероугольномъ кусочкѣ кардона.

Ахъ, это азбука! вскричалъ съ восторгомъ Карль. Теперь я скоро выучусь чипашь.

Мать, вынувши при первыя буквы, рассказала Карлу названіе каждой. Онъ пошчасъ ихъ замѣшилъ, и когда его мать чрезъ два часа

опяшь спросила названіе сихъ прехъ буквъ, но онъ прекрасно ихъ зналъ.

Эшо было весьма пріятно для его мапери; попомъ она взяла другія при буквы и объяснила Карлу ихъ названія, при чемъ онъ былъ внимателенъ и вскорѣ запердиль ихъ, и когда чрезъ нѣсколько времени спросили его, но онъ пошчасъ назвалъ ихъ правильно.

Такимъ образомъ Карлъ въ продолженіи одной недѣли, играя, выучилъ всѣ буквы. Попомъ началъ складывать, и какъ онъ охотно учился, но вскорѣ могъ читать. Съ сихъ поръ время ошъ времени онъ болѣе успѣвалъ; и когда ему исполнилось 6 лѣтъ, но онъ читалъ уже прекрасно всякія книги.

Карлъ не могъ бы оказатъ шакихъ успѣховъ въ споль коропкое время, если бы не такъ прилѣжно занимался ученіемъ. Сверхъ того онъ учился *охотно* — попому вско-

рѣ приобрѣлъ большую способность
къ ученію. Ибо во всемъ помъ, что
мы дѣлаемъ съ охотою и удоволь-
ствіемъ, скоро успѣваемъ.

КАРЛЬ ЗАНИМАЕТСЯ ТЪЛЕ- СНЫМИ УПРАЖНЕНІЯМИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Съ сего времени Карль занимался чпеніемъ. Если онъ гдѣ нибудь видѣлъ книгу, то пошчасъ бралъ ее и начиналъ чипашь. Ахъ, какой прилѣжной дитя! говорили многіе; видѣвшіе его всегда за книгою, и всѣ чрезвычайно хвалили умненькаго Карла.

Но опцу его не правилось, что Карль занимался только безпреспанно одиѣми книгами. „Любезный сынъ, сказалъ онъ ему однажды, хопя для меня весьма пріятно, что шы споль охотно занимаешся чше-

ніемъ; но все имѣеть свои грани-
цы и мѣру, и пошому излишество
и въ эшомъ вредно для здоровья.
Человѣкъ сошворенъ не для одного,
чшенія; Богъ назначилъ ему много-
различныя занятія, чрезъ копорыя
онъ можееть сдѣлаться полезнымъ
для другихъ.“

Карль съ почтительностію оп-
вѣчалъ своему отцу: „Любезный ба-
тюшка; чшеніе сполько мнѣ при-
носиеть удовольствія, что я во весь
день не хопѣлъ бы болѣе ничего
дѣлать, какъ сполько читаеть книги.“

„Я эшо вижу, продолжалъ отецъ;
но слишкомъ много читать не го-
дится. Я желалъ бы, чтобы ты
упражнялъ также тѣлесныя свои
силы. Эшо будеть полезнѣе для
твоего здоровья, нежели когда ты
сидишь сполько безпрестанно за
книгами.“

„Вы знаете, любезный батюшка,
говорилъ Карль, что я всегда съ

удовольствіемъ васъ слушаюсь. Дайте мнѣ какую нибудь работу и я исполню ее съ охотою.“

„И такъ пойдемъ со мною въ садъ, сказалъ отецъ.“

Съ радостію пошелъ Карль съ оцемъ, и вошедши въ садъ, сей сказалъ сыну: „Видишь ли ты, любезный сынъ, эту гряду: она теперь пвоя; ты можешь перекопать ее снова и засѣять чѣмъ тебѣ угодно.“

Карль сему очень обрадовался. „И такъ я теперь владѣтель небольшой земли? спросилъ онъ шутя.“

„Когда ты будешь хорошо управлять своимъ имѣніемъ, ошвѣчалъ улыбаясь отецъ, то получишь отъ него много удовольствій.“

„Но чѣмъ же я буду работать? спросилъ Карль. У меня нѣтъ ни лопатки, ни заспуа, словомъ ничего, что нужно имѣть садовнику.“

„Объ этомъ я уже буду спарать-

ся, опвѣчалъ отецъ, и взявши за руку сына, ввелъ въ бесѣдку. — Здѣсь Карлъ увидѣлъ многоразличныя вещи, весьма ему понравившіяся. Здѣсь онъ нашель заступъ, лопашку, желѣзныя и деревянныя маленькія грабли, лейку и маленькую пѣлежку.

Всѣ сіи вещи были новыя. Карлъ былъ внѣ себя отъ радости, когда узналъ, что все это было куплено, для него и что съ сихъ поръ онѣ ему принадлежатъ. — Онъ поцѣловалъ руку отца и благодарилъ отъ всего сердца за столь прекрасной и вмѣстѣ полезной подарокъ.

ПРИЛЪЖНЫЙ САДОВНИКЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Карль сдѣлался теперь прилѣжнымъ садовникомъ; занимавшисъ довольно времени съ своею маменькою въ чтеніи и писаніи, и сдѣлавши все, что ему задано было, поспѣшь спѣшилъ онъ, прыгая отъ радости, въ садъ къ своей грядѣ. Здѣсь онъ съ такимъ же прилѣжаніемъ копалъ землю, отбрасывалъ попадающіеся при семъ камни въ свою плѣжку, и попомъ отвозилъ ихъ прочь. Вблизи насыпана была куча земли, копорая, какъ ему сказывали, была очень плодородна. Онъ подвезъ шуда свою

пѣлежку и насыпавъ полную эпой же земли, опхвезъ на свою гряду.

Когда же Карль перекопаль свою гряду и совсѣмъ обрабошаль, то насыяль разныхъ овощей, какъ то: рѣдки, рѣпы, тыквы и многого подобнаго.

Теперь ему нечего было болѣ дѣлать; однако хопѣлось что нибудь еще порабошаль въ саду и для того спрашиваль своего опца, что теперь ему начать дѣлать? гряда была со всѣмъ готова и не было у него другой работы.

Тогда опецъ, взявши его за руку, привель къ одному пущому мѣспу, позади сада лежащему. „Вошь здѣсь, любезный сынъ, сказалъ онъ ему, найдешь ты для себя довольно работы, если шолько хочешь прудишься. Очисти сперва сіе поле опъ камней, вскопай его, пошомъ навози сюда хорошей земли, и эшо для щебя будетъ доспашо-

чно на долгое время занимаешься широдами.“

Это предложеніе очень понравилось Карлу. „Я все сдѣлаю, сказалъ онъ; и хочу непременно обработать сіе пустое мѣсто, чтобъ чрезъ нѣсколько недѣль оно получило совсѣмъ другой видъ. Можно ли будетъ мнѣ тогда что нибудь здѣсь посѣять?“

„Само собою разумѣется! отвѣчалъ отецъ. Слушай, если ты будешь такъ прилѣженъ, что пердѣлаешь сію пустошь въ плодоносную землю, тогда я съ побою раздѣлю ее; ты получишь половину, и можешь дѣлать съ нею, что тебѣ будетъ угодно“.

Кто могъ бытъ шеперь веселѣе и счастливѣе Карла! Тотчасъ онъ принялся собирать камни, копорыми была покрыта почти вся пустошь, и въ своей шелѣжкѣ опвозить прочь. Это продолжалось нѣ-

сколько дней, и Карлъ не мало обрадовался, освободившись наконецъ отъ сей скучной работы.

Попомъ приспустилъ онъ копанъ свое поле. Но это была также тяжелая работа. Грунтъ земли былъ здѣсь твердой, и Карлъ долженъ былъ напрягать при копаниіи всѣ свои силы. Однако онъ не чувствовалъ усталости, и охота, съ каковою работалъ, помогала ему преодолѣвать всѣ трудности. Если отъ усталости иногда терялъ онъ терпѣніе, то пошчасъ напоминалъ себѣ, что половина поля обѣщана ему въ награду и снова принимался работать съ большею охотою и ревностію.

Съ удовольствіемъ смотрѣлъ отецъ Карла на его прилѣжаніе и хвалилъ за то. „Должно за всегда работать, говорилъ онъ, съ терпѣніемъ и неупомимо, и что однажды начато, не должно бросать и оста-

вляпъ неокончаннымъ, но надо спарашься продолжатъ до конца съ неусыннымъ рвеніемъ; при чемъ ничто не должно казатъся пруднымъ и шягосшнымъ.“

Наконецъ Карлъ счастливо окончилъ сію шяжелую работу, и смѣря на сей обработанный кусокъ земли, ощущалъ внушреннюю радость при мысли, что все, предъ нимъ находящееся, есть дѣло его собственннхъ рукъ.

Онъ призывалъ своихъ родителей, чшобъ показатъ имъ, сколько онъ сдѣлалъ. Они съ удовольствіемъ разсмашривали прежде бывшую пустошь, а теперь обратившуюся въ обработанное поле, оспались довольны шрудями сына, и отецъ шопчасъ раздѣливши все сіе поле на двѣ равныя половины, сказалъ Карлу: „Теперь выбирай себѣ какую хочешь половину, и дѣлай съ нею что тебѣ угодно.“

Съ сердечною радостію прилѣжный Карль взялъ себѣ одну часть, и шуия сказалъ: „Теперь я господинъ двухъ владѣній.“

„Спѣрайся только управлять хорошо своимъ имѣніемъ,“ прибавилъ улыбаясь отецъ.

Карль теперь ревностно принялся дѣлать, изъ новоприобрѣтенной земли, гряды и попомъ ихъ засѣвалъ салатомъ, горохомъ, бобами и картофлемъ. Хотя ему хопѣлось также развести огурцы и дыни, но отецъ опсовѣтовалъ ему, сказавши, что сіи овощи пребуютъ очень жирной почвы земли, а особливо о послѣднихъ нужно прилагать чрезвычайное стараніе.

„Я надѣюсь, что буду стараться объ нихъ какъ должно,“ сказалъ Карль; но земля дѣйствительно не очень жирна. Однако мало по малу я сдѣлаю ее таковою: спану

прилѣжно возить на оную хорошую землю, и также унавоживашь.“

„Ты хочешь унавоживашь ее? спросила улыбаясь его мать. Но гдѣ же ты возьмешь навозу?“

Карль опъ сего вопроса не много смутился, и не зналъ что ей отвѣчашь.

„Такъ и бышь, сказала мать, ты можешь доспавашь для себя навозу за какое нибудь доброе дѣло. Мы топчасъ заключимъ съ побою договоръ. Если ты позволишь мнѣ иногда брашь изъ швоего огорода овощи для приправы кушанья, то за это я позволю тебѣ брашь изъ конюшни столько навоза, сколько тебѣ нужно будешь для обѣихъ швоихъ земель.“

Карль былъ симъ очень доволенъ, и дѣлалъ различные планы, какъ ему лучше обработать обѣ свои земли.

ПРІЯТНОСТИ САДА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Карль часно невѣдывался въ садъ, и не могъ дождашься того времени, когда взойдешъ что нибудь на его грядяхъ. Много разъ приходилъ онъ къ опіцу и говорилъ: „Миѣ кажется, что ни чего не будешъ на моихъ грядяхъ, и все, что я посѣялъ, пропало!“

„Имѣй терпѣніе! прервалъ его опецъ. Все имѣешъ свое время, и пошому должно дожидатъся сего времени. Будь спокоенъ, и посѣянное побою все взойдешъ!“

Однажды ушромъ пошелъ Карль въ садъ посмошрѣшь свои гряды. Не прошло нѣсколько минушъ, какъ онъ, прыгая ошъ радости, возвра-

шился назадъ: „Папенька! Маменька! кричалъ онъ въ воспоргѣ: на одной моей грядѣ что-то возшло! О, пойдѣмте скорѣй, посмотрише! Ахъ, какъ я радъ! какъ я счастливъ!“

Родителямъ была весьма пріятна сія невинная радость ихъ сына и онъ не давалъ имъ покою до нѣхъ поръ, пока мать не пошла съ нимъ въ садъ, посмотришь что такое возшло на его грядѣ.

Съ сего времени за радостію для него слѣдовала другая, и каждый день находилъ онъ что нибудь новое. При чемъ Карлу была небольшая работа: ибо вмѣстѣ съ посѣянными овощами выросшала во множествѣ негодная трава, которую надобно было вырывать. Мало по малу его произрашнія начали цвѣсти. Тогда для него была новая радость; и съ какимъ восхищеніемъ однажды упрямъ принесъ

онъ мапери на шарелкѣ цѣлую дюжину маленькихъ рѣдечекъ! Съ сего времени часто относилъ на кухню овощей изъ своихъ грядъ, и когда чтонибудь изъ нихъ подавали за столомъ, то всегда онъ внутрененно радовался при одной мысли: что это росшеть на моихъ грядкахъ.

Любимое пребываніе Карла былъ садъ, доставлявшій ему безчисленныя радости. Часто, сидя на берегу прозрачнаго ручья, капившаго свои струи по злапому песку, пѣлъ онъ слѣдующую пѣсню, которую слыхалъ опъ своей мапери:

Теки ручей, теки

Спокойно до рѣки,

Съ рѣкою же въ рѣку, потомъ и въ море:

Гордись, ручей, твоей судьбой;

Попокъ смиренный твой

Соснавитъ вскорѣ

Ужь Океана часпъ, и съ нимъ соединится.

Я вижу мысленно, поверхъ твоихъ зыбей

Изъ спа, иль больше кораблей
 Соспавленный флотъ мчися,
 Гордись, ручей, гордись; но въ гордостиги
 твоей

О участи своей
 Теперешней жалѣй!
 Спокойно ты капишся,
 Бореемъ не мушишся,
 И зеркальный твой покъ
 Едва лишь морщишь въперокъ.
 А тамъ ты будешь волновашся,
 И выше ивы сей, что близъ тебя,
 вздымашся,
 И сверху падашь вдругъ.
 Теперь, какъ здѣсь течешь, *Любилъ*,
 оставя плугъ,
 Спѣшишь воды твоей напишся;
 Тогдажъ она къ пипью не будетъ ужъ
 годиться.

Тогда она
 Ужъ будетъ и горька, и будетъ солоня! (*)

(*) Соч. Ив. Бах.

Карль былъ всегда здоровъ и весель. Свѣжій воздухъ, копорымъ онъ пользовался и умѣренное движеніе при его занятіяхъ, оказывали весьма благодѣтельное дѣйствіе на его здоровье.

.

ЗИМНІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Лѣто прошло; потомъ окончилась осень и настала зима. Опустѣли поля и сады; и только кой гдѣ встрѣчались въ поляхъ хищныя птицы; голубой горизонтъ часно помрачался густыми облаками; метель, свистъ вѣтра, морозъ и ледь, часно мѣшали прогулкѣ и даже дѣлали ее невозможною. Дни были коротки, и послѣ полудня въ 4 и 5 часу уже ночная темнота распространялась по горизонту.

Карлу не лъзя уже было ходитъ въ садъ, и часто онъ объ этомъ скучалъ. „О лучше бы было, если бы не было зимы! сказалъ онъ од-

нажды; это самое скучное время года! Въ это время ничего не лзя сдѣлать хорошаго!“

„Не говори такъ необдуманно! прервалъ его отецъ. Каждое время года имѣеть свои пріянности, и бываетъ полезно и необходимо. Зимой природа какъ бы покоится и отдыхаетъ, чтобы въ прочія времена года дѣйствовать съ новою силою, и предложитъ человѣку новыя свои благословенія. На суровость же зимы онъ не долженъ роптать, ибо въ прочія времена года онъ не имѣеть ни въ чемъ недоспашка. Сверхъ сего зима имѣеть свои пріянности и удовольствія. Ты это со временемъ увидишь.“

Вскорѣ выпалъ глубокой снѣгъ и дорога сдѣлалась ровною и гладкою. Отецъ приказалъ сдѣлать для Карла маленькія санки, и возшелъ съ нимъ на лежащій вблизи неболь-

шой холмъ, съ котораго онъ на своихъ саняхъ скапился внизъ; потомъ повпорялъ это Карлъ тысячу разъ. „Теперь ты видишь, сказалъ ему отецъ, что ты не могъ бы имѣть сего удовольствія, если бы не было зимы.“

Спусти нѣсколько дней, подъѣхали къ ихъ дому большія сани, запряженныя двумя прекрасными воронными лошадьми. Эпо приѣхалъ другъ Карлова отца, и пригласилъ его вмѣстѣ съ супругою и сыномъ прокатиться къ нему въ гости.

Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ и вскорѣ быспрыя лошади умчали сани. Всѣ спящіе въ нихъ были веселы, но болѣе всѣхъ радовался Карлъ.

Наконецъ приѣхали ихъ семейства къ сему искреннему другу, жившему въ разстояніи отъ нихъ на два часа ѣзды. Но дорога была

такъ хороша и гладка, что они успѣли шуда въ одинъ часъ. Карлъ не много озябъ, и хотѣлъ топчасъ согрѣшья около теплой печки. Но отецъ запрешилъ ему подходить къ печи и сказалъ: „Никогда не должно съ холода топчасъ входить въ слишкомъ жаркое мѣсто; ибо это вредно для здоровья, еще хуже, когда съ большаго мороза топчасъ подходить къ горячей печи, чшобъ скорѣе, какъ говорятъ, опогрѣшья. Гораздо лучше побышь долѣе въ холоднашомъ мѣстѣ и ходишь взадъ и впередъ, пока ошашь нагрѣшья.

Друзья провели вмѣстѣ два часа времени съ удовольствіемъ. Потомъ подали ошашь гостямъ сани; они сѣли и чрезъ часъ ошашь приѣхали домой.

„Нравится ли тебѣ сегоднишнее кашанье?“ спросилъ Карла отецъ.

„Безподобное! отвѣчалъ Карлъ. Я

бы желалъ каждый день кашаться въ саняхъ.“

„Видишь ли, любезный сынъ, продолжалъ отецъ, что и сего удовольствія мы не имѣли бы, если бы не было зимы.“

Погода спояла ясная, но морозы были жестокіе. Между шѣмъ отецъ ежедневно ходилъ прогуливаясь съ Карломъ, которому очень нравился блескъ снѣга на деревьяхъ, происходящій отъ отраженія лучей солнца. Казалось, что они были усыпаны безчисленнымъ множествомъ блестящихъ алмазовъ. Холодъ укрѣплялъ его члены, и онъ былъ всегда бодръ и веселъ: „Дѣйствительно, сказалъ онъ, зима имѣетъ свои пріятности! и я только теперь это замѣнилъ.“

Морозы спановились сильнѣе, ручьи, рѣки и пруды замерзли. Тогда открылись зимнія новыя увеселенія: — кашанье на конькахъ.

Отець пошелъ съ Карломъ прогуливаясь къ близъ лежащему пруду, чшобъ посмонрѣть кашанье на конькахъ. Сему шакъ понравилось сіе зрѣлище, чшо онъ просилъ отца купишь ему коньки, чшобъ и самому шакже кашанься на льду. Просба его была исполнена и онъ скоро выучился кашанься на конькахъ; эшо ему сполько нравилось, чшо елибъ онъ него зависѣло, шѳ во весь день не сходилъ бы со льду.

„Вошъ, сказалъ отецъ, и за сіе удовольствіе ты долженъ благодарить зиму! спанешь ли шеперь досадовашъ и сердишься на зиму?“

„Нѣтъ, никогда, ошвѣчалъ Карлъ. Теперь я вижу, чшо зима шакже имѣетъ свои пріятности, удовольствія и радости.“

Сказавъ эшо, Карлъ бралъ свою гишару, и наигрывая на ней, пѣлъ слѣдующую извѣстную дѣтскую пѣснь зимѣ:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько;
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хужѣ:
Въ зимній холодѣ
Всякой молодѣ,
Всѣ игривы,
Всѣ шушливы:
Въ долгу ночку
Къ огонечку,
Всѣ сберутся,
Стары, малы,
Точатъ балы,
И смѣются.
А какъ машки
Придутъ святки,
Тутъ-шо грохотъ,
Игры, хохотъ;
О! какія
Тутъ дурныя
На игрищи
Есть личищи!
А плутишкамъ
Ребятишкамъ

Тамъ и нравно,
Гдѣ забавно,
Гдѣ пирушки,
Гдѣ игрушки,
И гдѣ смѣхи,
Скаски, пляски,
Цѣни, сказки,
Всѣ утѣхи;
И снѣжки-то?
Стань катися!
А салазки? —
Эй ребята!
По подвязки
Нада съ брашна:
Привяжите,
Ну везите:
Идемъ въ Пишеръ!
Я пусть кучеръ,
Вы лошадки
Рѣзвоноги —
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай ребята!
Ну ужь браво!
Накатались,
Наигрались,

Вплоть до ночки
 Пролетали.
 Тольколь дѣла
 Что капайся?
 Чѣмъ изволишь
 Забавляйся.
 Отъ ученья
 За веселье,
 Отъ веселья
 За ученье.
 Всяко время;
 Мнѣ не бремя,
 И зимою,
 Какъ весною,
 Слава Богу,
 Не скучаю,
 Но вкушаю
 Радость многу (*).

Иногда Карлъ зимою велъ войну съ своими поварищами. Они спрѣли изъ снѣга крѣпости и спрѣля-

(*) Изъ прелестнаго верпограда для дѣшей, 1816 года. С. Петербургъ.

ли въ непріятеля снѣжными ядрами. Это доставляло много удовольствія дѣшамъ, и они хвалили зиму.

УПРАЖНЕНІЯ ЗИМОЮ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Большую часть дня Карлъ обыкновенно долженъ былъ сидѣть въ комнатѣ. Сначала это для него казалось несноснымъ; особенно не нравились ему длинные зимніе вечера, и отъ того онъ часто скучалъ.

„Это зависишь отъ себя, скажешь ему отецъ, чтобъ прогнать скуку. Работай прилѣжно и ты не будешь чувствовашь никакой скуки.“

„Я бы съ охотою спалъ что ни будь дѣлалъ, отвѣчалъ Карлъ; но часто я не придумаю чѣмъ мнѣ заняться.“

„Объ этомъ я постараюсь, ска-
заль опець, чшобъ доставишь шебъ
пріятное занятіе.“

Опець поговориль съ однимъ
умнымъ споляромъ, и просиль его,
сыну иногда, дѣлать небольшія
сполярныя вещи, что съ удоволь-
ствіемъ топъ обѣщался испол-
нить.

Карль посѣщаль иногда споляра
и выучился вырѣзывать, спру-
гать, клеить и многому подобному.
Когда онъ нѣсколько уже успѣлъ
въ семь искусствѣ, по никакое за-
нятіе не было для него споль
пріятно, какъ сіе сполярное ма-
стерство. Также выучился онъ
дѣлать разныя вещи изъ кардона,
и зимою это было полезнѣйшее и
пріятнѣйшее занятіе.

Иногда очищаль онъ горохъ, пше-
ницу и рожь опъ находящагося въ
нихъ сору. Нѣсколько разъ пилилъ
съ опцемъ дрова, и шакимъ обра-

этомъ быспро пролешало время въ полезныхъ заняшїяхъ, не чувствуя никогда скуки.

Если Карль во весь день велъ себя хорошо и былъ прилѣженъ, по награда за это состояла въ томъ, что вечеромъ отецъ что нибудь рассказывалъ, или читалъ маленькія повѣсти, и это онъ считалъ лучшею наградою.

ВЕСЕННЯЯ УДОВОЛЬСТВИЯ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Довольно скоро прошла зима, и приближалась весна. Кто могъ бытъ шеперь веселѣе Карла. Когда онъ вспоминалъ, что скоро можно будетъ ходишь ему въ садъ, копать и обдѣлывать свои гряды, то сердце его билось сильнѣе отъ радости.

Снѣгъ распаялъ; ручьи, рѣки и пруды вскрылись; дни становились длиннѣе, лучи солнца жарче, долины, поля и рощи оживились. Земля одѣлась новою зеленью, надеревьяхъ развернулись почки и пустили отъ себя зеленые опрыски, и повсюду слышно было пріятное пѣніе пшеничекъ.

Вскорѣ вся природа развернулась въ обновленномъ и очаровательномъ видѣ. Всѣ расцвѣтшія зеленѣли и цвѣли, и какъ пріятна была въ сіе время прогулка!

Карлъ часто прогуливался съ своими родителѣми и приходилъ всегда въ восхищеніе, любясь повсюду разсыпанными красотою природы. О какъ все прекрасно! величественно! восклицалъ онъ безпрестанно; сколь благъ долженъ быть сотворившій все сіе! и съ удовольствіемъ пѣлъ слѣдующую веселую пѣсню:

Изчезли снѣги—возвратились
Цвѣты и зелень на поля;
Деревья листьями покрылись—
Пріяла новый видъ земля.

Спокойно рѣки протекаютъ,
Вода уже сбыва съ полей;
И на лугахъ спада гуляютъ,
И громко свищеть соловей.

Сей годъ тебѣ напоминаетъ:
Везмершья ты не презирай!—

За днемъ день быстро улетаетъ:

Со щцаньемъ - время берегай!

Зефиръ морозы прогоняешь,

И льно мчишь за весной;

Печально осень исчезаешь

Предъ хладомъ дышущей зимой!

Златое солнце померкаетъ

И всходишь паки въ небесахъ;

Но чловѣкъ лишь умираетъ—

Мгновенно превратишься въ прахъ.

Кто знаетъ, долголь свѣтъ продлится

И будешь ли ты завтра жить?

Но чѣмъ душа обогатится;

То власной смерти избѣжишь!

Едва свои закроешь вѣжды,

И вздохи жизни оплепають:

Тебя ни пышныя одежды,

Ни знашней родъ не оживяшь (*).

Карль часто оняшь ходилъ въ садъ, и началъ копать и засѣвать свои гряды. Вокругъ же обсадилъ розовыми, гвоздичными и левко-

(*) Изъ журнала: Новости Русской Литтературы.

выми кустами, подаренными ему шепкою, чрезъ что доставила она ему много радости. Опець же подарилъ ему два маленькія деревца, которыя поспѣшь пересадила онъ на свою землю.

„Весна, восклицалъ онъ часто, лучшее и пріятнѣйшее изъ всѣхъ временъ года!

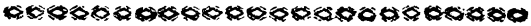
Опець ему на то сказалъ: „Она есть время посѣва; кто теперь не посѣетъ, тому лѣтомъ и осенью не чего будетъ собирать. Юность подобна веснѣ. Тогда болѣе развертываются душевныя и плѣсныя способности; она также есть время посѣва душевныхъ качествъ, именно чрезъ науки и упражненія. Кто симъ временемъ не воспользовался и кто въ юности не приобрѣлъ никакихъ свѣденій, не обогатилъ своего разума и сердца хорошими качествами; тотъ въ старости будетъ неблагоразумный, ни

къ чему годный и несчастный человекъ.“

Опець не спалъ болѣе говорить. Но Карль его понялъ, и взявши его за руку, сказалъ: „Любезный ба-пюшка, я постараюсь воспользо-ваться моею молодостію; я хочу весною посѣять, чтобъ лѣтомъ и осенью собрать плоды.“

„Ты хорошо сдѣлаешь, продолжалъ опець; чрезъ это доставишь ты своимъ родителямъ радость, а себѣ счастье цѣлой жизни.“

ВСЯКОЕ ИЗЛИШЕСТВО ВРЕДНО ЗДОРОВЬЮ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Когда Карль на шестомъ году выучился хорошо чипать, то не хотѣлъ болѣе ни чѣмъ другимъ заниматься, какъ только книгами. Это не нравилось его родителямъ, и они часно ему напоминали: „Карль, Карль, ты уже чипаешь слишкомъ долго, а излишество вредно для здоровья.“

Доспигши осьмага года, онъ совсѣмъ перемѣнился. Тѣлесныя занятія такъ ему нравились, что онъ уже началъ не радѣшь о занятіяхъ, служащихъ къ усовершенствованію его разума. Онъ хотѣлъ

только безпрестанно рыться въ саду, сѣять, полоть, или рѣзать, спругать, клеить и дѣлать разныя вещи изъ картона.

Эпо опять было не пріятно его родичелямъ. „Карль, Карль, говорили они ему, ты уже слишкомъ много занимаешься тѣлесными упражненіями, это не хорошо: излишество можешь вредить своему здоровью.“

„Излишество вредно здоровью! повторилъ Карль. Но вы сами приказывали, любезный бабюшка, говорилъ онъ, чшобъ я болѣе упражнялся въ сихъ работахъ. Теперь я спалъ ими занимаюсь и вы опять говорите: что излишество вредитъ здоровью! какъ же долженъ я это понимать?“

„Вошь какъ эпо нада понимать, чшобъ ты не слишкомъ долго однимъ и тѣмъ же дѣломъ занимался, и при семъ не забывалъ также и другое

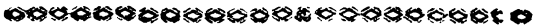
дѣло нужнѣйшее и не пренебрегаль бы имъ. Полезныя шѣлесныя упражненія ты можешь всегда любишь; но также не долженъ забыватьъ и объ усовершенствованіи швоего разума, копорый ты долженъ стараться украсишь и обогатишь полезными и необходимыми свѣденіями. Ты съ нѣкопорого времени почти пересталъ занимаешь чпеніемъ, числописаніемъ и Ариеметикою; это миѣ очень не пріятно, а для тебя могутъ бышь опъ сего весьма дурныя послѣдствія.“

Карль сдѣлался нѣсколько пасмуренъ; потомъ сказалъ: „Любезный бапюшка, благодарю васъ за столь полезныя наспавленія. Вы увидите, что я въ точности буду слѣдовать вашимъ совѣшамъ.“

Дѣйствительно Карль началъ прилѣжнѣе занимаешь чпеніемъ, числописаніемъ и Ариеметикою.

Часы ученія, которыя ему съ нѣ-
котораго времени не нравились,
теперь опять казались для него
также пріятны какъ и прежде, и
родители его были чрезвычайно
имъ довольны.

ПОДАРОКЪ ЗА ИСПЫТАНІЕ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Однажды учитель Карла предложилъ его родителямъ, сдѣлать ихъ сыну маленькой экзамень, чшобъ могли сами видѣшь, сколь много онъ успѣлъ въ наукахъ. Предложеніе его понравилось родителямъ и назначили особенный день для сего испытанія. Къ тому времени пригласили нѣкоторыхъ друзей, которые обѣщались непременно быть у нихъ на экзамень.

Съ неперпнїемъ ожидалъ Карлъ сего дня, и наконецъ предъ всѣми оказалъ свои отличные успѣхи; особливо отличился онъ въ чшеніи. Его наиболѣе хвалили не только

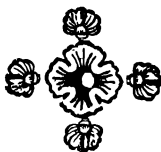
за то, что скоро читалъ, но при томъ правильно и съ надлежащими удареніями.

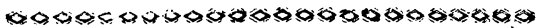
Слушатели оспались весьма довольны Карломъ, что ему было чрезвычайно пріятно и служило не малымъ поощреніемъ къ продолженію и увеличиванію его прилѣжанія.

Сверхъ сего по окончаніи экзамена, отецъ подарилъ Карлу маленькую книжечку, сочиненную для дѣтей его возраста. Сей подарокъ былъ для него пріятнѣе всего на свѣтѣ, и онъ не находилъ словъ изъявить опцу свою за то благодарности.

„Въ сей книгѣ, сказалъ отецъ, ты увидишь различныя повѣсти. Мы будемъ вмѣстѣ ихъ читать и разговаривать о каждой изъ нихъ порознь. Для тебя же это будетъ полезное занятіе, когда ты опять

миѢ расскажешь, что опѣ меня слышалъ. Такимъ образомъ Карлъ читалъ подлѣ опца повѣспи, копорыя здѣсь слѣдуюшъ.

ГОСПОДИНЪ БЕРТРАНДЪ.

Въ одной прекрасной, плодоносной странѣ жилъ добрый и честный человекъ; его звали Берtrandомъ, ремесломъ же былъ купецъ; онъ былъ не богатъ, но всѣми уважаемъ и любимъ. Находилъ истинное удовольствіе: совѣтовалъ другимъ, помогалъ и оказывалъ благодѣянія. Бѣднымъ, заслуживающимъ состраданіе, помогалъ онъ сколько могъ, и только такихъ бѣдныхъ не допускалъ къ себѣ, которые сами навлекали сіе несчастіе лѣнностію, праздностію, распѣчностью и распущенностію. Человекъ назначенъ, говорилъ онъ, чтобы трудился и своимъ прилѣ-

жаніемъ прибрѣшашь себѣ необходимое содержаніе. Кпо же не хочешь работашь, тому не должно ѣспѣ; а кпо безразсудно распочаешь прибрѣшенное, шопѣ заслуживаешь бышъ всегда нищимъ.

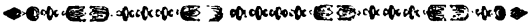
Бершрандъ не шолько такъ говорилъ, но и такъ самъ поступалъ. Всѣ его хвалили и называли дѣяшпелнымъ и неупомимымъ. Онъ вспавалъ рано и ревностно безъ ошдыха занимался до самой ночи, не имѣя доспащочнаго покоя для своихъ шѣлесныхъ силъ. Все у него было въ надлежащемъ порядкѣ, и что онъ доспавалъ, умѣлъ употребляшъ съ бережливостію. И хотя не преступалъ мѣры своей бережливости, но не былъ однако же скупцомъ, и шикогда не дѣлалъ шолько излишнихъ издержекъ; умѣренностъ въ пищѣ, въ пионѣ и одѣяніи имѣла также свои границы; онъ имѣлъ всего довольно и былъ шолько

врагъ роскоши и распочительности. Однажды сказалъ ему искренній пріятель, что онъ уже наблюдаешь слишкомъ большую умѣренность, то Бершрандъ опвѣчалъ на то: „Если бы я сего не дѣлалъ, то не могъ бы помогать бѣднымъ, и ничего бы не оспалось на будущее время; впрочемъ я доволенъ своимъ простымъ образомъ жизни, и ни за что бы не помѣнялся съ богатымъ мопіомъ.“

Бершрандъ сверхъ того былъ честный и добродѣтельный человекъ. Если кто у него что нибудь покупалъ, то всегда оставался доволенъ, и никогда онъ не бралъ слишкомъ дорого. „Я лучше хочу не много приобрести, лишь бы только остаться честнымъ человекомъ.“ Всѣ это знали, и потому опъ всюду спекалось въ его лавку множество покупателей, и каждой покупалъ у него съ удовольствіемъ.

Берширандъ былъ при томъ весьма набоженъ. „Что и имѣлъ и теперь имѣю, говорилъ онъ часно, все это получилъ я при помощи Божіей. Всѣмъ я обязанъ Его любви.“—Вспавши по ушру, онъ поочасъ обращался съ молитвою къ Богу, и благодарилъ Его за спокойную ночь и подкрѣпленіе сномъ. Ложась же вечеромъ въ постель, вспоминалъ различныя добрыя дѣла, копорыя ему въ продолженіе прошедшаго дня удалось сдѣлать, устремлялъ взоры на небо и сложивъ на крестъ руки, молился съ благодарностію Небесному Отцу. Любимые его разговоры были о всемогуществѣ Божіемъ, копорого любилъ всѣмъ сердцемъ; вѣровалъ и твердо на Него надѣялся во всѣхъ бѣдсивенныхъ случаяхъ своей жизни. Часно собиралъ всѣхъ своихъ домашнихъ и вмѣстѣ съ ними пѣлъ и молился.

И какъ Бершрандъ былъ споль дѣяшелень, любитель порядка, эконо- номъ, честный и добродѣшельный, то всѣ его почитали и Богъ благословилъ его прилѣжаніе. Онъ началъ сперва заниматься торговлею, взявши денегъ у другихъ взаймы; но чрезъ нѣсколько лѣтъ не только расплашился съ своими долгами, но еще оспалось у него сполько, что могъ жить самъ честнымъ образомъ, помогашъ другимъ и опложилъ нѣсколько на будущіе непредвидѣнные несчастные случаи.— И на немъ подшвердилась испина: *то Богъ благословляетъ добродѣ- тельныхъ, и прилѣжаніе, честность и благочестіе не оспались безъ награжденія.*

ӨЕДИНЬКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Добрый Бернрандъ имѣлъ супру-гу весьма благоразумную женщину. Ее звали Софіею и во всѣхъ хорошихъ качествахъ подражала она своему супругу; страстно его любила; онъ же часно говорилъ объ ней: „Софья соспавила счастье моей жизни.“

Бернрандъ имѣлъ еще маленькаго сына Теодора, который еще болѣе умножалъ счастье его въ семь мѣрѣ. Онъ прилагалъ объ немъ всевозможное стараніе, чшобъ сдѣлалъ его честнымъ человекомъ, благоразумнымъ и добрымъ.

Фединька былъ здоровый, крѣпкій и быстрый мальчикъ; любилъ своихъ родителей отъ всего сердца; для него не было ни чего пріятнѣе, когда родители хвалили его и были довольны его поведеніемъ; напрошивъ ему было чрезвычайно больно, когда ему за что нибудь дѣлали выговоръ. Природа наградила его хорошими способностями, которыя начинали уже въ немъ развѣрчиваться. — Не только съ каждымъ днемъ болѣе оказывались въ немъ плѣсныя и душевныя способности, но и впродъ подавалъ о себѣ великую надежду.

Первые годы жизни Фединьки прошли скоро и въ радости. Обыкновенныя дѣтскія болѣзни онъ перенесъ счастливо, и его здоровье теперь было въ лучшемъ цвѣтѣ, такъ что всѣ, смотря на его полныя красныя щеки, любовались имъ.

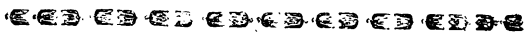
По мѣрѣ развершыванія разума Оединьки, родители его старались занимать различными необходимыми познаніями. Онъ вскорѣ умѣлъ называть всѣ вещи, находящіяся въ домѣ и различать одну отъ другой. Также онъ скоро опличалъ безъ всякаго замедленія цвѣшы красокъ, круглыя вещи отъ угловатыхъ, большія отъ малыхъ, высокія отъ низкихъ, жесткія отъ мягкихъ, тяжелыя отъ легкихъ, шероховатыя отъ гладкихъ, сладкія отъ кислыхъ или горькихъ. Мать въ особенности занималась съ нимъ эшимъ; она учила его также чипанъ на изусть маленькіе спишки; лучшее же удовольствіе его состояло, когда слышанныя отъ родителей, или чипанныя ими повѣсни самъ опять пересказывалъ.

Оединька весьма любилъ всякаго рода животныхъ; если видѣлъ гдѣ собачку или птичку, то всегда

прыгалъ опть радостн. Ничего не было для него пріяшнѣ. какъ когда мать, взявши его съ собою на пшчій дворъ, позволяла ему кормишь куръ и ушокъ, или приказывала ему положишь овса или сѣна коровамъ или шеляшамъ.

Такимъ образомъ росъ Оединька до шестаго года, занимаясь невинными удовольствіями.

НОВЫЙ ДОМЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Бершрандъ долго сперва жилъ въ наемной квартирѣ. Но изъ всѣхъ его желаній наисильнѣйшее было, чѣлобъ имѣть собственный домъ; и наконецъ оно исполнилось. Онъ купилъ дешхой домъ, сломалъ его, и пошомъ выстроилъ новый. Въ самый день рожденія Оединьки, когда ему исполнилось шесть лѣтъ, онъ былъ совершенно весь опдѣланъ.

Какъ велика была радость Бершранда, когда онъ могъ перейти въ собственной домъ. День сей былъ праздникомъ для всего семейства. Но Бершрандъ при шомъ со-

блюлъ предоспорожность, и не прежде перебрался въ свой домъ, пока онъ совершенно высохъ, ибо узналъ, что вредно и даже опасно жить въ новоопспроенномъ домъ, если онъ еще не высохъ.

Когда же Берспрандъ переѣхалъ со всъмъ своимъ семейспвомъ въ собственный домъ, обнялъ свою супругу и сказалъ съ душевнымъ умилениемъ: „Любезная Софія! о, сколь милосердый Богъ для насъ щедръ, что исполнилось наше единспвенное желаніе и мы имѣемъ теперь свой собственный домъ. Благодаримъ Тебя Господи оиъ всего сердца за гсѣ Твоя Благодѣянія, да защитишь насъ и впредь десница Твоя, и да содѣлаемся за всегда доспойными любви Твоей!“

Оединька бѣгаль оиъ радости по комнапамъ. Попомъ опецъ, взявъ его за руку и прижавъ къ груди своей, сказалъ ему: „Любез-

ный сынъ, съ сихъ поръ мы будемъ всегда жить въ этомъ домѣ; спарайся и здѣсь доставляй намъ радость и удовольствіе; я тебя прошу объ этомъ и надѣюсь на тебя.“

Өединька, взглянувъ ласково на родителей, поцѣловалъ ихъ ручки и сказалъ: „Я постараюсь веселить себя такъ, чѣмъ вы всегда мною были довольны.“

Потомъ всѣ пошли осматривать комнаты, сарай, подвалъ, погребъ; далѣе вышли на дворъ, довольно просторный и чистый, и наконецъ въ садъ, гдѣ росло много фруктовыхъ деревьевъ.

Дворъ и садъ наиболѣе понравились Өединькѣ. „Любезная маменька, спросилъ онъ, будутъ ли у насъ и здѣсь дворовыя птицы?“

„Конечно! ошвѣчала мать. Мы мало по малу разведемъ куръ, индѣйскихъ пѣтуховъ, утокъ и гусей; подожди только не много, другъ

мой, скоро у насъ будетъ полонъ дворъ пшицъ.“

„Но позволише ли вы мнѣ ихъ кормить? спросилъ Оединька.“

„Если ты будешь хорошо себя вести, и мы будемъ за всегда побою довольны, тогда я тебѣ это съ удовольствіемъ позволю, опивчала мать. Я даже тебя сдѣлаю смопришелемъ надъ курами, пѣшухами, ушками и гусями.“

Оединька улыбнулся и былъ весьма радъ сему. „Мнѣ надо положить жалованье, когда буду занимаешь должностъ смопришеля пшицъ.“

Родители не могли удержаться отъ смѣха на сего маленькаго смопришеля пшицъ.

„Дадите ли также мнѣ какую нибудь должностъ и въ саду? спросилъ онъ.“

„Хорошо, сказалъ отецъ, я постараюсь сыскать для тебя и тамъ приспойную должностъ. Когда бу-

день много гусеницъ, но своя
должность будешь сосноять въ
томъ, чюобъ очищашь огъ нихъ
деревья, и за то мы тебѣ дадимъ
пишуль славнаго егеря гусеницъ.“

Өединька смѣялся сей шупкѣ,
однако замѣтно было, чюо это
названіе ему не очень нравилось.

„Впрочемъ въ саду будешь тебѣ
место другаго дѣла, сказалъ Г. Бер-
нрандъ. Я подарю тебѣ пустое
мѣсто, которое ты долженъ очи-
стишь прежде огъ камней, попомъ
вскопашь, навозишь шуда хорошей
земли, наконецъ подѣлашь гряды и
засѣяшь чѣмъ тебѣ угодно.“

Въ самомъ дѣлѣ, бапюшка? Вы
не шупише? вскричалъ съ радостию
Өединька. Ахъ! если бы вы дѣй-
ствительно мнѣ подарили!“

„Ты знаешь, любезный сынъ, чюо
я тебѣ никогда не говорилъ и не
обѣщаль, чегобы послѣ не сдер-
жалъ, ошвѣчалъ ошець.“

Федишка былъ внѣ себя отъ радости. Онъ цѣловалъ руки своихъ родителей, и повсюду безпрестанно: „Ничего не можетъ быть лучше, какъ имѣть свой собственный домъ и садъ!“

Вскорѣ пришли нѣкоторые друзья Бершранда, которыхъ онъ пригласилъ на сей праздникъ. Онъ угощалъ ихъ въ саду. Всѣ гости были чрезвычайно довольны и веселы, а для семейства Бершранда этотъ день былъ лучшій въ ихъ жизни.

ПРОГУЛКА.

(продолженіе).

Однажды Берспрандъ въ прекрасную погоду, имѣя свободное опъ дѣль время, предложилъ своей супругѣ вмѣстѣ съ сыномъ, идши послѣ обѣда, прогуляться.

Софья съ удовольствіемъ согласилась; Единька же прыгаль опъ радости, ибо ему болѣе всего нравилось бѣгать на чѣсномъ воздухѣ. Слово *прогулка* шоль же было для него пріятно, какъ и хорошая музыка.

Они вышли и проходили чрезъ богатыя нивы, цвѣшущіе луга, шѣнишья и чашья роши, и пошомъ

сѣли отдохнушь на возвышенномъ холмѣ, покрытомъ высокимъ кустарникомъ.

Какой пленительный и величественный видъ! Повсюду видны были богатые дары природы, и Оединька съ восхищеніемъ вскричалъ: „Ахъ! какъ все прекрасно и великолепно вокругъ насъ“

„Но знаешь ли ты, любезный сынъ, спросилъ отецъ, кто это все создалъ? знаешь ли ты также, кто на сихъ поляхъ повелѣлъ произрастать пшеницѣ, ржи и другимъ плодамъ? кто луга одѣлъ зеленью и цвѣтами, а деревья листвьями?“

„Это сдѣлали все люди, отвѣчалъ Оединька.

„Конечно, многое, что мы здѣсь видимъ, произошло отъ прилѣжанія людей, отвѣчалъ отецъ. Но кто даровалъ человѣку такую силу? Кто далъ такую способность рукамъ человѣческимъ? Кто далъ

силу землѣ производить такъ много различныхъ произрастѣній? Кто заставилъ расти и увеличиваться всѣ прозябенія, солнце свѣтитъ, а изъ облаковъ идетъ дождю? Не ужели и это сдѣлалъ человекъ?»

Фединька, взглянувъ на отца, задумался, и спустя не много, отвѣчалъ: „Сего люди не могли сдѣлать; они не имѣютъ столько власти.“

„Ты правъ, любезный сынъ, продолжалъ отецъ, люди могутъ дѣлать многое, но не все; а это должно быть другое существо, которое въ состоянн сдѣлать больше ихъ.“

„Я знаю, любезный батюшка, знаю, сказалъ Фединька, это вѣрно Богъ; Онъ одинъ только можетъ такъ прекрасно и великолѣпно все устроить; это Богъ, котораго вы, любезный батюшка, такъ часто просите и молитесь Ему. О еслибъ

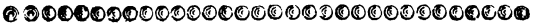
я хоть однажды удостоился увидѣшь Тебя, милосердый Боже!

Ни чьи глаза человѣческіе не могутъ удостоиться Его видѣшь, ошвѣчалъ отецъ; наше слабое зрѣніе не могло бы перенести Его величія. Мы только можемъ видѣшь шворенія Его, и чувствовашь, что Онъ есть Богъ милосердый, общій отецъ всѣхъ людей, который насъ любитъ, все это дѣлаешъ для насъ и ниспосылаешъ намъ неизчисленныя благодѣянія.“

Оединька опять углубился въ размышленія. Отецъ его, показывая на сердце, сказалъ: „Любезный сынъ, кшо добръ, пошъ въ знакъ благодарности любишь Бога всѣмъ сердцемъ, а кшо Его любишь, пошъ за всегда дѣлаешъ только то, что для Него пріятно. Будь всегда добръ и справедливъ, и чрезъ это докажешъ, что ты любишь Бога за что и Онъ шебя будетъ любить.“

Такимъ образомъ въ прятныхъ разговорахъ провели они цѣлый часъ. Вдругъ со всѣхъ сторонъ показались черныя тучи, и Бернрандтъ предложилъ скорѣе возвратиться домой. Они встали и спѣшили сойти съ холма.

Б У Р Я.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Едва они прошли нѣсколько шаговъ, вдругъ сверкнула молнія, и вдали слышны были глухіе раскапы грома. Вскорѣ все небо покрылось черными пучами, молнія блиспала чаще, за нею слѣдовали страшные удары грома.

Өединька испугался. „Не бойся ничего, сказалъ ему отецъ, спрахъ тебѣ не поможетъ; при помѣ же боясь нечего, гроза еще далека.

„Почему вы это знаете? спросилъ Өединька. Мнѣ кажется, что гроза уже надъ нами.“

„Это не мудроно узнатьъ, сказалъ отецъ. Если гроза близко, тогда за молніею пошчасъ слѣдуетъ громъ; и потому если бы теперь молнія и громъ были почти вмѣстѣ, тогда бы ты могъ сказать, что гроза уже надъ нами.“

Фединька хотѣлъ бѣжать скорѣе домой; но отецъ ему не позволилъ, и сказалъ: „Часто бываешь опасно во время грозы скоро бѣжать, потому что воздухъ, приходя въ сильное движеніе, скорѣе влечетъ за собою молнію и въ то время она легко можетъ убишь.“

Громовые удары опъ часу спанивились сильнѣе и Фединька при каждомъ ударѣ прижимался къ матери. „Если бы не было грома, сказалъ онъ, я не боялся бы молніи.“

„Напрошивъ, опвѣчалъ отецъ, шебъ грома совершенно нѣчего бояшься; онъ самъ по себѣ не можетъ чинишь вреда; но молнія причиняешь

великія опустошенія, и иногда поражаешъ или убиваешъ людей и живошныхъ.“

Между шѣмъ молнія блиспала ярче и чаще, и громовые раскаты спановились слышнѣе. Вскорѣ молнія слѣдовала одна за другою и ударъ за ударомъ непрерывно. Дождь также болѣе усиливался, и до городка, въ которомъ жилъ Берспрандъ, оставалось имъ шолько нѣскольго сошъ шаговъ.

Өединька спалъ очень скученъ; машь также начинала безпокоишься. „Посмотрише, бапюшка, сказалъ Өединька, вопъ въ сторонѣ большая липа; не лучшель намъ спанъ подъ деревомъ, чшобъ укрьншься опъ дожда?“

„Мы бы весьма неблагоразумно посшупили, опвѣчалъ отецъ; во время грозы очень опасно спюншь возлѣ высокихъ деревьевъ, ибо молнія чаще въ нихъ ударяешъ. —

Гроза уже близко и почти надъ нами. Мы лучше сдѣлаемъ, если сойдемъ въ ближайшій ровъ и шамъ переждемъ, пока опасность пройденъ. Эшо будетъ безопаснѣе.“ — Съ сими словами скорѣе поспѣшили они сойти въ ровъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находящійся; въ немъ не было воды, и они шамъ прилегли. Молнія и громъ часъ отъ часу спановились сильнѣе. Вдругъ молнія освѣшила небо и весь горизонтъ земной, за кошорою въ то же мгновение слѣдовалъ ужаснѣйшій громовый ударъ. Оединька и его родишели почипали себя погибшими; однако никому изъ нихъ не причинила она вреда, только та самая липа, подъ кошорою хотѣлъ укрыться Оединька отъ дождя, была сильно поражена молніею и раздроблена въ дребезги.

Когда гроза, казалось, прошла мимо, то Бертрандъ съ супругою

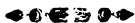
и сыномъ, вышедши изъ своего убѣжища, спѣшили домой. Но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ блеснула опять молнія въ сопровожденіи страшнаго грома надъ самымъ городомъ. „Это громовой ударъ!“ сказалъ отецъ, и дѣйствительно не ошибся, чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли загорѣвшійся отъ молніи домъ, объявшій сильнымъ пламенемъ и вмѣстѣ слышали колоколь, копорымъ сзывали жищелей для упушенія пожара.

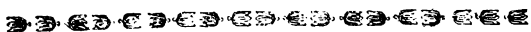
Бершрандъ, Софья и Оединька удвоили свои шаги; и послѣдніе оба дрожали отъ страха и безпокойства. Вскорѣ они примѣшили, что пожаръ былъ въ той часпи города, гдѣ ихъ жилище; наконецъ съ горестію узнали, что это ихъ собственнй домъ горѣлъ.

Софія и Оединька оспались одни, а Бершрандъ побѣжалъ одинъ впередъ къ своему жилищу. Домъ его

былъ весь уже объятъ пламенемъ; но усердный слуга его старался лучшія вещи скорѣе спрятать въ погребъ. Бертрандъ успѣлъ оппегреть анбары, и многіе добрые люди помогали ему выносить оппуда его повары; и такимъ образомъ большая часть имѣнія была спасена.

Прилагали всевозможное стараніе, чшобъ скорѣе потушить пожаръ; однако было не возможно, и все новое строеніе Бертранда сгорѣло шакъ, чшо оспались одиѣ шолько спѣны, но и шѣ были сильно повреждены и во многихъ мѣсшахъ прогорѣли. Прочіе же шовары, которыхъ не могли спасти, были найдены на землѣ, когда совершенно потушили пожаръ.

УТЪШЕНІЕ ВЪ НЕСЧАСТІИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Радости Бернранда исчезли вмѣстѣ съ его домомъ. Приключившееся несчастье неожиданно поразило его сердце. Но скоро пришелъ онъ оныя въ себя, и нѣсколько успокоился. Его крошкато права никакое бѣдспвіе не могло долго превозмощь.

Но пѣмъ сильнѣе подѣйствовало сіе несчастье на Софію и Ѳединьку, и произвело въ нихъ глубокое впечатлѣніе. Когда она услышала, что домъ ихъ сгорѣлъ, то громко зарыдала и залилась слезами. Бернрандъ поспѣшилъ къ ней. Безуш-
*

ная супруга упала въ его объятія и вскричала: „О, какъ мы несчастны!“ — Единька обнялъ колѣна своего родителя и вмѣстѣ съ ними горько плакалъ.

Перестаньте, друзья мои! сказалъ Бершрандъ: слезами и горестию не лзя помочь. Несчастіе уже совершилось, и если бы горестию своею вы причинили себѣ смерть, то и тогда бы сего не перемѣнили. Перестаньте плакать и не опчаявайтесь.“

Между тѣмъ гроза прошла; мрачныя облака разсѣялись, и солнце снова прояснилось во всемъ блескѣ.

Послѣ того Бершрандъ повелъ супругу и сына къ сгорѣвшему своему жилищу. Здѣсь Софія и Единька снова начали плакать, и первая, возведя взоры къ небу, съ

рыданіемъ произносила: „О какъ несчастны, какъ мы несчастны!“

„Послушай, Софія, сказала ей Берпрандъ, напрасно ты такъ предаешься ужаснѣйшей горести. Мы сами не виновны въ семь несчастій и пошому должны утѣшать себя сею мыслию. Богъ хотѣлъ испытать насъ; Онъ знаетъ лучше, что для насъ полезно. — Будемъ въ Него вѣровать, и какъ Онъ до сихъ поръ былъ намъ помощникомъ, то конечно и впредь не лишитъ насъ щедротъ своихъ. За горестію всегда слѣдуетъ радость. Посмотри, за два часа прежде небо покрыто было густыми мрачными тучами, теперь же опять какъ ясно спало и чисто. Такъ точно и небо нашего счастья нѣкогда прояснится, и мы будемъ опять счастливы.“

Сии утѣшительныя слова возымѣли желаемое дѣйствіе, и Софія

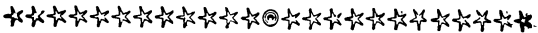
сдѣлалась нѣсколько спокойнѣе. „Какихъ большихъ издержекъ спишь будешь намъ новое строеніе!“ сказала она, спустя нѣсколько времени, со вздохомъ.

„Конечно издержки будутъ значительныя, прибавилъ Берспрандъ, и я долженъ буду занять денегъ. Но мы не должны опъ эшаго унывать. Богъ намъ поможетъ. Мы удвоимъ нашу дѣятельность и пруды, также бережливость и умѣренность, и если Богъ не лишитъ насъ здоровья и защититъ опъ подобныхъ несчастій, то мы скоро расплатимся съ долгами и опяшь будемъ жить спокойно.“

Софія опъ часу становилась покойнѣе. Она, взявши за руку своего нѣжнаго супруга, сказала: „Слова твои для меня лучшее утѣшеніе; я чувствую себя теперь гораздо спокойнѣе и веселѣе.“

Когда же Оединька примѣпилъ, что его родители сдѣлались веселѣе, то и самъ пересталъ плакать, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на чистое небо.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Между тѣмъ какъ Бершрандъ совѣщивался съ своею супругою, гдѣ бы имъ прожить до того времени, пока обгорѣлый домъ опять опспроится, подошелъ къ нимъ одинъ часовыхъ дѣлъ масперъ, кошорый сожалѣлъ и принималъ живѣйшее участіе въ ихъ несчастіи; онъ симъ еще не довольствовался, но дружески пригласилъ ихъ жить къ себѣ въ домъ, пока они опять выспроятся.

Сіе предложеніе весьма пронуло Г-на Бершранда. „Чѣмъ я могъ заслужишь такое дружеское швое рас-

положеніе къ себѣ и своему семейству?“ спросилъ онъ часовщика.

„Вы желаете знать какимъ образомъ? продолжалъ часовщикъ; весьма просто. Когда я хотѣлъ поселиться въ вашемъ городѣ, вы меня къ себѣ приняли въ домъ какъ спранника. Вы мнѣ помогали совѣтами и дѣломъ; вы меня снабжали небольшими деньгами, а когда я имѣлъ нужду въ большой суммѣ, то вы рекомендовали меня богатому человѣку, поручились за меня и убѣдили его дать мнѣ займы сколько денегъ, чпобъ я могъ на оныя обзавестись хозяйствомъ и сдѣлаться хорошимъ мастеромъ. Безъ вашей помощи эшаго, можетъ быть, ни когда бы не случилось. Теперь я расплашился съ своимъ долгомъ; искусство мое доставляетъ мнѣ изрядный насущный хлѣбъ. Позвольте мнѣ теперь въ свою очередь опоблагодарить васъ. Къ сожалѣнію, не

могу болѣе предложитъ вамъ двухъ маленькихъ комнатъ въ своемъ домѣ, и можете вамъ покажется въ нихъ шѣсно; но я постараюсь съ женою доставитъ вамъ всѣ выгоды, чшобы пребываніе въ нашемъ домѣ сколько можно было для васъ пріятнѣе.“

Берспрандъ подаль часовщику свою руку, и сказалъ: „Признашельный человѣкъ! ты распрогаль мое сердце. Услуга, копорую мнѣ нѣкогда удалось сдѣлать, была слишкомъ маловажна, и я полагаль, что это давно забышо.“

„Тогда бы я былъ самый неблагодарный человѣкъ, опвѣчалъ часовщикъ. Никогда не забуду благодаренія, копорое вы мнѣ оказали. Часто я въ спокойныя минушы вспоминаль объ немъ, искаль удобнаго случая доказать вамъ мою признашельность; шеперь онъ опкрылся, и я

прошу васъ еще разъ приняшь мое предложеніе, жишь въ моемъ домѣ.“

„Я согласенъ, отвѣчалъ Берtrandъ, приняшь швое дружеское предложеніе, будучи увѣренъ въ швоей искренней пріязни ко мнѣ и моему семейству.“

Часовщикъ былъ очень радъ, и спѣшилъ домой приготоовишь все къ помѣщенію семейства Берtrandа. Черезъ нѣсколько часовъ пришли госпи и встрѣчены были съ отличными знаками дружества.

Берtrandъ съ своимъ семействомъ избавился шеперь великаго зашрудненія. Онъ имѣлъ на время приспанище, благодарностъ же признательнаго часовщика доставила ему еще болѣе удовольствія. — Теперь онъ старался шолько, какъ можно скорѣе возобновишь свой сторѣвшій домъ и снова его перешроишь. Ему надобно было прикупишь лѣсу и другихъ необходи-

мыхъ матеріаловъ; также нанявъ доспапочное число работниковъ и масперовыхъ, и чрезъ нѣсколько дней опять началось у него строеніе дома.

Въ сіе время многіе, изъ благодарности и любви къ Бершранду, оказывали ему при семь помощь. Ибо прежде онъ самъ почти всѣмъ бѣднымъ жишелямъ сего городка помогалъ, по теперь каждой старался чѣмъ нибудь его опблагодарить; опъ того со всѣхъ споронъ присылали ему подарки: топъ дарилъ лѣсомъ, другой извешкою, иной кирпичемъ, досками, желѣзомъ и многимъ подобнымъ сему. Многіе работники не хопѣли съ него брашь денегъ за шруды, другіе брали только самую малую плату. Всѣ они говорили: „Бершрандъ нашъ благодѣшель, и намъ теперь пріятно, что мы однажды можемъ доказать къ нему признашельность.“ Бершрандъ

же чувствовалъ себя чрезъ это богато награжденнымъ за свои добрыя дѣла, оказываемыя имъ до сихъ поръ другимъ.

ЛѢТНІЯ ЗАНЯТІЯ ѲЕДИНЬКИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Берспрандъ и супруга его не могли теперь такъ, какъ прежде, смозрѣшь за Ѳединькою и наблюдать за его поступками; ибо часто оба должны были оплучаться на строеніе; однако съ этой стороны были спокойны, ибо онъ оставался въ хорошихъ рукахъ.

Часовщикъ былъ большой охотникъ самъ до дѣшей и имѣлъ также одного только сына Вильгельма, одинакихъ почти лѣтъ съ Ѳединькою. Часто онъ забавлялъ обоихъ малюшokъ; какъ скоро имѣлъ свободное время опъ своихъ заня-

тій, поспішавъ подзывать ихъ къ себѣ, заставлялъ читати, попомъ розказывавъ имъ нравоучительныя повѣсти и занимавъ ихъ различными играми. Оединьки это очень нравилось, и онъ мало по малу выучился хорошо читати.

Каждый день часовщикъ ходилъ съ ними часа по два прогуливаясь. Спрана сія богата была различными произрастѣніями, и онъ зналъ почти всѣ растѣнія въ окрестностяхъ сего города; во время же прогулокъ, Оединька и Вильгельмъ должны были замѣчать названія цвѣтовъ и другихъ растѣній, которыхъ нарвавши большіе пучки, приносили съ собою домой. Здѣсь, разложивши ихъ по рядамъ на столѣ, часовщикъ снова повторять названіе каждого растѣнія, которыхъ оба малюпки должны были зашверживати наизусть. Каждый разъ онъ также показывавъ

имъ всѣ часпи нѣкопорыхъ распѣній, и дѣши замѣчали опличительные признаки. Разсказывалъ имъ при семь о пользѣ или вредѣ каждаго распѣнія. Если попадались распѣнія нѣсколько сходныя между собой, то Вильгельмъ и Оединъ-ка попчасъ искали признаковъ въ чемъ они сходны, и на оборотъ чѣмъ опличаются одно опъ другаго. — Сіи наблюденія имъ чрезвычайно нравились. Иногда лежало на столѣ опъ 10 до 20 различныхъ распѣній, и дѣши могли ихъ опличашь, и называшь каждое приличнымъ именемъ; попкомъ опворопясь лицемъ опъ спшала, они могли перечесшь на изусшь имена всѣхъ по порядку здѣсь лежащихъ распѣній.

Сіи занятія для дѣшей не только были пріятны, но вмѣспѣ и полезны. Но чпобъ можно было и зимою упражняшья въ семь за-

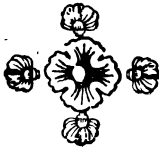
нятіи, то они, собравши множе-
ство различныхъ распѣній, высу-
шивали ихъ, вкладывая между
листами въ особенныя книги;
опець же Вильгельма подписывалъ
внизу имена распѣній. „Зимою,
сказалъ онъ, можете вы также
заниматься разсмаприваніемъ ра-
спѣній; это будетъ для насъ при-
ятное занятіе, и вмѣстѣ будетъ
служить полезнымъ повтореніемъ
того, что выучили лѣтомъ.“

Не далеко отъ города находился
неглубогій прудъ, куда часто при-
ходила опець Вильгельма съ обо-
ими дѣтьми купаться. Чиспома и
освѣженіе шѣла полезны для здо-
ровья; сверхъ того онъ выучилъ
ихъ плавать, и чрезъ то сдѣлалъ
ихъ способными, при угрожающей
когда либо опасности отъ воды,
спасши себя, или другимъ податьъ
помощь.

Часто гуляли дѣти въ своемъ саду, или вмѣстѣ съ родителами ходили довольно далеко въ одну долину, надъ которою висѣлъ крутой утесъ. Обыкновенно дѣти брали тогда съ собою кожаной мѣшечекъ, копорый надѣвался чрезъ плечо, и молопокъ. Въ той долинѣ попадалось много различныхъ камней; они ихъ собирали, и когда не могли скоро узнать найденнаго камня, то отбивали молоткомъ небольшой отъ него кусочекъ, и тогда явственнѣе видно было опличіе его отъ другихъ.

Между столь пріятными и полезными занятіями лѣтомъ, Единька, живши въ домѣ часовщика, не замѣчалъ, какъ скоро прошѣкало время; съ сердечною горестію разспался онъ съ Вильгельмомъ и его опцемъ, когда въ началѣ осени съ своими родителами опять должны

былъ переѣхашъ въ собственный
свой новоотспроенный домъ. Виль-
гельмъ сдѣлался его другомъ, и
дружба ихъ продолжалась до гроба.

ЖЕСТКАЯ ПОСТЕЛЬ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Бершрандъ и его семейство съ сердечною благодарностію проспились съ признашельнымъ часовщикомъ, и опять перешли жить въ свой новоошстроенной домъ, и чрезвычайно радовались, что избавились наконецъ безпокойствъ, заботъ и непріятностей, сопряженныхъ съ ошстройкою дома.

Теперь могъ Бершрандъ опять заниматься своими дѣлами съ большею дѣятельностію и спокойствіемъ духа. Особливо спарался онъ о воспитаніи своего сына, разцвѣщающаго подобно весеннему

цвѣтку. Ежедневно ходилъ съ нимъ прогуливаясь, объяснялъ ему доспопримѣчательнѣйшіе предметы природы, и такимъ образомъ спарался внушатьъ ему ясное понятіе о всѣхъ вещахъ.

Мать удовольствововала единственное желаніе сына, накупивши различныхъ родовъ дворовыхъ пщицъ, и улыбаясь называла его главнымъ спопринелемъ оныхъ. Весьма забавно было спопрѣшь, когда онъ, исполняя свою должность, на проспорномъ, чисмомъ дворѣ кормилъ пщицъ. Онъ это дѣлалъ всегда съ такою акурашностію, что мать совершенно могла на него въ семь положишься; и въ награду за то подарила ему пару молодыхъ индѣйскихъ куръ и пару ушокъ; эшимъ досшавила она ему неописанное удовольствіе, а на другой годъ у него развелось уже восемь Индѣйскихъ куръ и шесть ушокъ.

Однажды, въ теплый осенній день, пошелъ Оединька съ опцемъ прогуливаясь на ближній холмъ. Здѣсь увидѣли они человѣка, спавшаго на голой землѣ и только одинъ камень служилъ ему вмѣсто подушки.

Когда они съ нимъ поровнялись, то спящій человѣкъ проснулся и сказалъ: „Ахъ, какъ я крѣпко уснулъ.“

Берспрандъ ему поклонился. Тотъ ласково опвѣчалъ ему шѣмъ же, и спрашивалъ ихъ, не знаютъ ли дороги до одного торговаго мѣстечка. И такимъ образомъ поразговорились.

Незнакомый человѣкъ казался здоровымъ и крѣпкимъ. Оединька между прочимъ замѣпилъ, что у него постель была не много жестка.

„Со всѣмъ нѣшь, продолжалъ незнакомецъ, она для меня не жестка, и я крѣпко спалъ. Но это опъ того, что я съ молодости приучилъ себя къ этому, и привыкъ перено-

сипть всякія безпокойства. Я выходиль гуляшь въ суровую и дурную погоду, одѣвался всегда легко, спалъ на жесткой постелѣ, и не зналъ никакихъ безпокойствъ. Чрезъ это удалось мнѣ приучить свое шѣло переносить всѣ непріятныя впечатлѣнія. — И я теперь всегда этимъ доволенъ.“

Незнакомецъ еще много говорилъ подобно сему и слова его оспались не безъ дѣйствія на Фединькино сердце. Онъ уже мысленно далъ себѣ обѣщаніе всѣми возможными способами приучить также свое шѣло, и когда пошъ человекъ удался, то онъ пошчасъ объявилъ отцу свое намѣреніе.

Отецъ одобрилъ его, и обѣщался помогать ему въ семъ хорошемъ намѣреніи.

Съ сего времени Фединька спалъ на соломенномъ пюфякѣ, и покрывался шолько понкимъ одѣяломъ,

умывалъ всегда лице, голову и шею холодною, ключевою водою; выходилъ на дворъ въ самую дурную погоду, часто купался, старался преодолевать тяжелыя плесныя работы, словомъ дѣлалъ все, что только содѣйствуетъ къ приученію плѣла ко всякимъ трудамъ и безпокойствамъ. Съ симъ старался также онъ соединить похвальную воздержность и бережливость.

Все это оказывало весьма благодѣтельное дѣйствіе на его здоровье. Онъ сдѣлался бодръ и крепокъ, а щечки его походили на красивые персики.

Часто пѣвалъ онъ слѣдующую веселую пѣсенку:

Въ свѣтѣ можно (*)
 Жить счастливо,
 Жить лишь должно
 Терпѣливо.

(*) Изъ Дѣтскаго цвѣтника, сост. Бор. Федоровымъ, 1827 года.

Мы слышали,
 Кто печали
 И спаданья
 Переносишь
 Безъ рюшанья,
 И не просишь
 Кто довольства, —
 Но спокойства,
 Сердцемъ чистый
 Не безпечный
 Путьъ тернистый
 Топишь проходишь. —
 Богъ же вѣчный,
 Дѣлъ свидѣтель,
 Добродѣпелъ
 Награждая,
 Его вводишь
 Въ свѣплосишь рад

БОГАТЫЙ, НО НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(продолженіе).

Одинъ богатый человекъ, пригласилъ однажды въ гости къ себѣ въ деревню Бернранда съ женою и сыномъ.

Имѣніе его было разстояніемъ отъ города, гдѣ жилъ Бернрандъ, не болѣе какъ на два часа ѣзды; но такъ какъ Оединька привыкъ цѣлой день почти бытъ на ногахъ, то и рѣшились вмѣсто прогулки, идши къ нему пѣшкомъ. Супруга же Бернранда, по домашнимъ обшояшельспивамъ, не могла участвовашь съ ними въ сей прогулкѣ.

Чрезъ два часа они достигли той деревни. Бернрандъ приказалъ доложить о себѣ хозяину дома, и былъ поспѣшь принятъ. Онъ возшелъ съ Фединькою въ огромную залу, убранную дорогими картинами и прекрасною мебелью. Все было великолѣпно и со вкусомъ сдѣлано, и Фединька подумалъ: „Какъ долженъ быть счастливъ владѣтель сихъ сокровищъ!“

Распворилась боковая дверь и хозяинъ вышелъ встрѣпить гостей. Какое жалкое его соспояніе! Блѣдный какъ смерть, едва онъ могъ передвигать ноги опираясь на свой костыль. Безпрестанно почти вскрикивалъ отъ боли, и на лицѣ изображались живо его страданія; слабой его голось, едва можно было слышать, словомъ онъ былъ предметомъ общаго сожалѣнія.

Фединька не зналъ, что объ этомъ

подумать. Онъ надѣялся видѣть богатаго человѣка здоровымъ, крѣпкимъ, веселымъ и счастливымъ, и какъ же ошибся, увидя совершенно прошивное. Ни одинъ человѣкъ не казался ему болѣе достойнымъ сожалѣнія, и онъ не могъ равнодушно сморгнуть на сего несчастнаго.

Богачъ угощалъ своихъ гостей лучшимъ образомъ. За столомъ подавали отличнѣйшія кушанья, дорогіе напитки, и столъ его можно было назвать княжескимъ. Но Бернрандъ, также и сынъ его, не могли сидѣть равнодушно за столомъ. Одинъ видъ сего несчастнаго богача заглушалъ весь аппетитъ. Высохшій, какъ скелетъ, онъ не могъ почти ни чего ѣсть, отъ того, что слабый его желудокъ не въ состояніи былъ варить порядочно пищу. Часто судорожныя движенія отъ боли видны были на

лицѣ его, и даже нѣсколько разъ ужасно вскрикивалъ. Прежде нежели кончился споль, онъ принужденъ былъ вспань изъ-за спольа, и удалившись въ свою комнату, бросился на софу, чшобъ подкрѣпить себя не много сномъ. Бернрандъ и сынъ его согласились бы лучше обѣдать у самага бѣднѣйшаго поденщика, нежели сидѣть за богатымъ споломъ у сего несчастнаго и желали шолько скорѣе удалиться изъ сего жилища бѣдствій.

Послѣ обѣда вышли они въ большой и прекрасной садъ, и здѣсь нѣсколько дышали спокойнѣе и прохаживались въ немъ цѣлый часъ. Попомъ пришелъ къ нимъ слуга и объявилъ, что господинъ его уже проснулся и желаетъ съ ними говорить. Они потчасъ пошли къ нему.

„Извините меня, сказалъ богачь,

что я послѣ обѣда не могъ самъ васъ ничемъ занять. Я человекъ больной и самый несчастливѣйшій изъ всѣхъ. Меня теперь ни что не веселишь, и самое мое богатство; всего у меня съ избыткомъ; но рѣдко удаешь мнѣ провести одинъ часъ спокойно и весело. Причина тому мое поперянное здоровье. Къ сожалѣнію я самъ въ томъ виноватъ, и испортилъ его роскошною, неумѣренною и распутною своею жизнью. За то я теперь жестоко наказанъ. Ахъ! не могутъ мнѣ всѣ мои богатства и не могутъ они меня сдѣлать счастливымъ. Теперь я долженъ влачить мои бѣдственные и несчастные дни при мучительнѣйшихъ спраданіяхъ, и чтобы еще болѣе увеличить свое несчастіе, собственная совѣсть часто упрекаетъ меня, что я самъ виною своихъ спраданій, чрезъ свою глупость и

проспупки. Какъ часто я желалъ бы помѣняпсья своею жизнію съ самымъ бѣднымъ поденщикомъ. Ахъ! я очень, очень несчастливъ!”

При сихъ словахъ полились слезы изъ глазъ несчастнаго богача, и онъ не могъ далѣе продолжашь.

Г. Бершрандъ принималъ живѣйшее участіе въ его горестномъ положеніи и старался всячески утѣшить его.

„О, старайся воспитывать благо разумно, продолжалъ богачъ, своего милаго сына; и чшобъ онъ не могъ избаловашься, приучай его шеперь къ умѣренности и самодовольству, чшобъ онъ вель простой образъ жизни и имѣлъ бы хорошія нравственныя качества. Чрезъ это шолько онъ можетъ быть всегда здоровымъ, крѣпкимъ, довольнымъ, веселымъ и счастливымъ!”

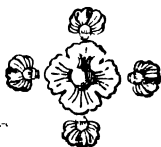
Вскорѣ попомъ Бершрандъ простился съ богатымъ несчастли-

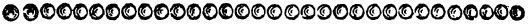
вцемъ, кошорый подарилъ. Оединькѣ
единъ дукапъ, и увѣщаваль его
вести себя всегда хорошо, и чрезъ
это доставляшь ушѣшеніе роди-
телямъ. — Дорогою, возвращаясь
домой, Оединька сказалъ: „Ахъ ба-
пюшка, какъ несчастливъ сей бо-
гатый человекъ!“

„Конечно онъ очень несчастливъ,
отвѣчалъ отецъ, и можешь послу-
жить живымъ примѣромъ того,
что человекъ имѣя все, при всемъ
томъ можешь быть весьма несча-
стнымъ.“

Оединька при семъ случаѣ вспом-
нилъ свое намѣреніе, и снова про-
силъ своего родителя приучать
его къ проспой и умѣренной жизни,
и опказываешь во всемъ, что для
него не нужно было, и безъ чего
легко онъ могъ обойтись. До сихъ
поръ родители позволяли ему пилъ
по чашкѣ не крѣпкаго кофе, и по
половинѣ рюмки споловаго вина.

Но съ сего времени онъ не захопѣлъ употребляти ни шого, ни другаго. Чистая, холодная вода, была для него любимымъ напитокомъ, и опъ шого онъ былъ всегда здоровъ. Можно сказать, что во всемъ городѣ не было дѣляши крѣпче и здоровѣе Оединьки.

УТЪШЕНІЕ РОДИТЕЛЕИ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Пришедши домой, Оединька показаль своей машери дукапшъ, полученный имъ въ подарокъ отъ богатаго челоувѣка, разсказываль его спраданія и несчастья, и наконецъ сказаль, что ни за шобы въ свѣтѣ не согласилса бышь на его мѣспѣ.

Родитшели воспишывали Оединьку лучшимъ образомъ. Не шолько спарались они о сохраненіи его здоровья, но также объ обогащеніи и украшеніи сердца его и разума. Воспишаніе сына они почишали пер-

вою и священнѣйшею обязанностію и пошому обучили его всѣмъ необходимымъ наукамъ.

Добрые, нѣжные родители не оспались за сіе безъ награжденія. Оединька сдѣлался напоследокъ умнымъ и честнымъ человекомъ. Соединяя при шомъ въ себѣ многія полезныя свѣденія, онъ опличался неушомимою дѣяшельностію; любилъ истину и добродѣшель, и почипалъ удовольствіемъ исполненіе своихъ обязанностей.

Оединька почипалъ и чрезвычайно любилъ своихъ родителей. Ни чего въ свѣшѣ не было для него драгоцѣннѣе ихъ, и даже жизнию своею охотно бы за нихъ пожертвовалъ.

Приказанія отца своего и матери исполнялъ онъ съ почноспію. Никогда не огорчалъ ихъ своимъ непослушаніемъ; даже чипалъ въ глазахъ ихъ желанія и старался

предупреждать, и за особенное удовольствие почипалъ, если удавалось услужить имъ.

Фединька зналъ и чувствовалъ, сколь горячо любили его родители, и старался за то быть всегда благодарнымъ; но онъ вообще ко всѣмъ былъ признателенъ, кпо для него оказывалъ услуги.

Въ обращеніи съ другими бывалъ всегда ласковъ и услучивъ, за что былъ любимъ во всѣхъ общесхвахъ.

Прилжаніе, порядокъ, опрятность, почность въ заняшіяхъ, справедливость, честность и искренность старался наиболѣе наблюдать добрый Фединька, и вообще во всѣхъ опношеніяхъ былъ онъ опличный и прекрасный человекъ. Родители, часто смотря на него, радовались, и говорили: „Какъ счастливы мы, что Богъ даровалъ намъ шакого добраго сына!“

Фединька выучился коммерціи у

своего родителя; потомъ для усовершенствованія еще болѣе себя въ сей наукѣ и опытности, отправился за границу. Въ чужихъ краяхъ онъ велъ себя также всегда хорошо, и за то, всѣ знавшіе его, любили и покровительствовали ему.

Какая была радость родителямъ, когда Фединька опять возвратился къ нимъ изъ-за границы! Онъ болѣе ихъ уже не оставлялъ и былъ для нихъ утѣшеніемъ и опорой ихъ старости.

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ПЕТРУША.

Когда Петруша съ кѣмъ либо разговариваль, то не думаль о томъ, что говорилъ, а болшаль все, что ему ни приходило въ голову. За это всѣ его называли, по справедливости, *легкомысленнымъ и безразсуднымъ болтуномъ*. Хотя названіе сіе для него было весьма непріятно, но онъ разсуждалъ самъ въ себѣ, что опъ сего ему никакого вреда не будетъ.

Но что же Петруша выигралъ своею глупою болтливостію? — Ни чего, кромѣ стыда и досады. Часно по своей вѣтренности бол-

наль онъ разныя глупоспи и непристойности. Много разъ за это былъ осмѣянъ и приспыженъ. Многіе насмѣшливо говорили объ немъ: „Пепруша еще слишкомъ глупой ребенокъ; онъ болшаетъ еще много, не понимая ничего, какъ маленькіе дѣти.“

Названіе „*глупый ребенокъ*“ также ему чрезвычайно не нравилось; однако же онъ заслужилъ его.

Такъ какъ Пепруша, обыкновенно не думалъ о шутъ, что говорилъ, то случалось не рѣдко, что онъ своею легкомысленною болпливостію досаждалъ другимъ, и даже обижалъ. За это самъ терпѣлъ онъ большія непріятности, и принужденъ былъ сносить, когда его жестоко бранили и даже нѣсколько разъ строго наказывали.

Однажды Пепруша былъ въ саду, въ копорый многіе хорошіе люди приѣзжали гулять. Здѣсь замѣпилъ

онъ одного бѣднаго слѣща, имѣвшаго провожаемымъ маленькаго мальчика, который сѣвши опдохнуть на скамью, взялъ свою арфу и началъ играть акомпанируя голосу.

Многіе собрались вокругъ слѣща, и сожалѣли о его жалкомъ состояніи. Пепруша также подошелъ слушать; но пѣніе бѣднаго слѣща показалось ему смѣшнымъ, и онъ, побуждаемый своею безразсудностію, началъ издѣваться надъ слѣщомъ самымъ глупымъ образомъ.

Всѣ стоявшіе вокругъ слѣща аршиста начали осуждать Пепрушинъ дурной поступокъ, смотрѣвши на него съ такимъ презрѣніемъ, что онъ принужденъ былъ со стыдомъ удалиться отъ нихъ. Нѣкоторые же дѣши, бывшіе при семъ, пошли за нимъ и кричали ему въ слѣдъ: „Не заслуживаешь ли ты названія *легкомысленнаго маль-*

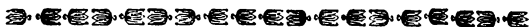
тишки, когда вздумалъ смѣяться надъ бѣднымъ несчастнымъ человекомъ! у! у! какъ это тебѣ стыдно!“

Петруша почелъ за лучшее со всѣмъ удалиться изъ саду. Тогда всѣ дѣти закричали: „Ты сдѣлаешь гораздо лучше, если уйдешь опсюда; дураки здѣсь не нужны!“

Всѣ бывшіе при семъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на Петрушу, и многіе изъ нихъ говорили: „Ахъ какой это несносный, скверный мальчишка.“

Петруша въ то время желалъ бы провалился хопя сквозь землю опъ стыда. И не говоря ни слова, сокрылся со стыдомъ и долго помнилъ сіе непріятное произшествіе.

СЛѢДСТВІЯ НЕОБУЗДАННОЙ БОЛТЛИВОСТИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Хотя Пепруша за свою необдуманную болтливостъ много получалъ неудовольствій, однако не могъ опсшать опъ сей дурной привычки. Родители его безпреспанно ему швердили, чшобъ онъ помнилъ о томъ, что говоришь, и прежде подумалъ бы о томъ, что хочешь сказать. Но всѣ увѣщанія нѣжныхъ родителей оспались щещными.

Однажды отецъ его получилъ два довольно большіе мѣшка серебряныхъ денегъ. Въ нихъ заключались тысяча шалеровъ, которые

и спряпалъ онъ въ углу, опдаленнаго отъ дома амбара, и сверху завалилъ ихъ снопами бумаги. Пепруша зналъ это.

Попомъ нѣсколько дней спустя, въ семь мѣспечкѣ, гдѣ жилъ Пепруша, случилась ярморка. Онъ также съ нѣкопорыми мальчиками ходилъ тамъ по шорговой площади, въ шолнѣ народа. „О, если бы, сказалъ онъ, я имѣлъ шѣ деньги, которыя недавно получилъ мой опецъ, тогда бы я закупилъ половину всѣхъ поваровъ, находящихса здѣсь на ярморкѣ.“

„О, вздоръ! сказалъ одинъ мальчикъ, не можешъ бышь сполько!“

„Ты мнѣ повѣришь, продолжалъ Пепруша, когда я тебѣ скажу, что мой опецъ получилъ цѣлую тысячу талеровъ. Они насилу помѣспились въ двухъ большихъ денежныхъ мѣшкахъ. Ахъ, еслибъ ты могъ ихъ видѣшь. Они спряпаны

въ нашемъ заднемъ амбарѣ, за большимъ шкафомъ въ углу. Тамъ и воръ не скоро ихъ найдетъ. Они завалены кипами бумагъ.“

Петруша рассказывалъ такъ громко, что всѣ вокругъ спящіе люди могли его слышать. Два незнакомые человека, казалось, особенное обращали вниманіе на его рассказы, и только изрѣдка улыбались.

На другой день пошелъ отецъ Петруши въ пошъ амбаръ, гдѣ спрячаны были деньги. При входѣ съ ужасомъ онъ поспѣхъ увидѣлъ, что ставень и самое окошко у сего амбара были выломаны. Онъ спѣшилъ къ тому углу, гдѣ поставлены были мѣшечки съ деньгами, и какой для него былъ ударъ, когда увидѣлъ, что уже ихъ тамъ нѣтъ. Онъ сплеснувъ руками, вскричалъ „О Боже! какое несчастіе!“

Пошомъ началъ осматривать и

пéребирашь всѣ вещи, но ни гдѣ не было денегъ. При семъ увидѣль онъ записку, лежащую посреди амбара; поднявши ее, прочель слѣдующія слова: „*Кто хотеть спря- тать деньги, не долженъ сказывать объ этомъ дѣтямъ. Твой безразсуд- ный сынъ, на ярморкѣ при всѣхъ публично и ероико разсказалъ, гдѣ лежатъ мѣшки съ деньгами. — Прогее для тебя можетъ быть понятно.*“

Записка сія открыла опцу гла- за, и онъ шеперь узналъ виновника своего несчастія. Онъ допросилъ Пепрушу, и сему не мзя было за- перешся, что вчера на публичной площади разсказывалъ онъ, гдѣ спря- таны были тысяча шалеровъ.

Опець сдѣлалъ безразсудному сыну строгій выговоръ, жестоко наказалъ его за необдуманную бол- шливость, и нѣсколько дней не

смѣлъ онъ показываться къ нему на глаза.

Упопробны были всѣ возможные способы, къ опысканію вора, похипившаго тысячу шалеровъ. — Но все было тщетно, и деньги пропали.

ЖЕСТОКО НАКАЗАННАЯ БЕЗ- РАЗСУДНОСТЬ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Петруша, не только въ разгово-рахъ, но и во всѣхъ занятіяхъ, былъ весьма легкомысленъ и безразсуденъ. Опъ сего часпо дѣлалъ онъ непростительныя шалости, портилъ и ломалъ разныя хорошія вещи, и за то не только получалъ выговоры, но иногда жестоко былъ наказанъ.

Однажды Петруша за свою безразсудность слишкомъ дорого заплашилъ. Это случилось зимою, когда рѣки, пруды и озера уже замерзли. Петруша былъ большой

охопникъ кашапсья по льду на конькахъ или на саночкахъ. Въ сію зиму, на силу могъ дождапсья своего любимаго занятія, и ежедневно не сходилъ почти со льда.

Приближалась уже весна; погода спояла ясная и теплая, снѣгъ и ледъ начинали уже по немногу паяпсь и пропадпсь. Пепрушѣ ничего не было досаднѣе, когда видѣлъ, что удовольствіе его кашапсья по льду должно скоро кончипсья.

Оспался наконецъ одинъ только прудъ, покрыпый льдомъ, лежащій въ довольно далекомъ разстояніи отъ жилища Пепруши, но и здѣсь ледъ былъ тонокъ и слабъ. Пепруша пригласилъ съ собою нѣсколько мальчиковъ иди кашапсья на помъ прудѣ. Но сіи были оспорожнѣе, и не рѣшались подвергпсь жизнь свою опасности, и не спали кашапсья на тонкомъ льду. Тогда легкомысленной Пепруша вскри-

чалъ: „Чего же намъ бояться! если ледъ и проломился, то мы только не много вымочимся, это ничего!“

Прочіе дѣши спарались удержавъ его, и предспавляли ему очевидную опасность, въ которую ввергаешся, осмѣливаясь капашься по льду. Однако безразсудный Пепруша рѣшился одинъ, и быспро побѣжавши отъ берега по льду, покапился на средину пруда. — Однако не доспигши еще средины, ледъ проломился и Пепруша споялъ въ водѣ подъ самый подбородокъ.

Онъ началъ кричать и умоляшь о помощи. — Но кто могъ его вытащитъ изъ воды? Дѣши не могли и не осмѣливались даже спушитъ на ледъ. Наконецъ двое изъ нихъ побѣжали въ городъ, чшобъ увѣдомитъ родителей Пепруши о случившемся съ ихъ сыномъ. Но къ несчастію его, ихъ не было дома; много времени прошло, пока ихъ

сыскали; наконецъ спуся цѣлый часъ съ гореспію и ужасомъ приближали они съ нѣсколькими людьми къ пруду.

Пепруша почти совсѣмъ замерзъ, и не могъ уже произнести ни слова. Прошло еще полчаса, пока вытащили его изъ воды. Если бы прудъ сей былъ не много глубже, то Пепруша непременно проспился бы съ жизнію.

Полумертваго принесли Пепрушу домой. Онъ впалъ въ жестокую горячку, и всѣ предполагали, что онъ непременно долженъ умереть. Но чрезъ полгода онъ опять могъ вставать съ постели. Болѣзнь такъ его изнурила, что онъ на всегда оспался худощавый и блѣдный, и чрезъ два года умеръ отъ чахотки.

ГОВОРИ ВСЕГДА ПРАВДУ.

Маленькая Луиза имѣла много хорошихъ качествъ, но особенно похвальная черта въ ея нравѣ была, что она всегда говорила правду, и ни за что въ свѣтѣ не соглашалась что либо солгать. При томъ же говорила только то, что было у нее на сердцѣ и что она чувствовала, и потому можно было смѣло полагаться на ея слова.

Даже и тогда, когда Луиза сдѣлавши какой нибудь прослупокъ, и опасаясь за то быть наказанною, не могла она рѣшиться солгать чтобы скрыть свою вину; напротивъ того пошчасъ во всемъ чи-

спосердечно признавалась. „Нѣтъ для меня презрительнѣе теловѣка того, говорила она, который лжетъ и обманываетъ другихъ.“

Луиза дѣйствительно справедливо разсуждала, ибо лгунъ есть самый опасный и презрительный чело-вѣкъ. Его никто не можетъ любить, еще менѣе вѣришь ему; онъ гнусенъ Богу и всѣмъ хорошимъ людямъ.

Но Луиза, любя правду и имѣя ошкренное сердце, была любима не только своими родителами, но и всѣми другими, и ни кто не сомнѣвался никогда въ истинѣ словъ ея. Это было ей чрезвычайно приятно; чрезъ любовь и довѣренность другихъ она сдѣлалась счастливою.

ВАНИЧКА ЛГУНЪ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Совсѣмъ прошивныя свойства Луизы имѣлъ Ваничка, сынъ сосѣда. Онъ не очень любилъ правду; болшалъ все, что только приходило ему въ голову и находилъ удовольствіе обманывать другихъ.

Въ послѣдствіи ни кто не смалъ вѣришь лгунишкѣ Ваничкѣ. Если онъ что нибудь рассказывалъ, по обыкновенно прежде спрашивали его: „Правду ли ты говоришь? не лжешь ли это?“ Когда же онъ божился, увѣряя что говоришь правду, то не смотря и на это многіе сомнѣвались, и даже не вѣрили, хо-

пя онъ и дѣйствительно говорилъ правду; ибо пословица естъ: *не должно вѣрять леуну, если бы онъ и сказалъ однажды правду.*

Однажды Ваничка пришелъ въ гости къ маленькой Луизѣ. Они играли нѣсколько времени смирно и тихо; но вдругъ рѣзвый Ваничка началъ гоняться за Луизою кругомъ по комнапѣ. Родители ея вышли на нѣсколько минутъ изъ сей комнапы и своевольный Ваничка вздумалъ рѣзвиться и шалишь.

Луиза бѣгала кругомъ, а Ваничка слѣдовалъ за нею. По несчастію задѣла она нечаянно и опрокинула маленькій столикъ, на копоромъ стояла дюжина прекрасныхъ фарфоровыхъ шарелокъ, и все въ дребезги разбилось.

Луиза чрезвычайно испугалась сей бѣды, и начала плакать. „Ахъ, что мнѣ будетъ за шо опъ моихъ родителей!“ восклицала она; недавно

только купили сіи чашки, и когда узнаюшь, что я ихъ разбила, какъ жестоко меня накажутъ!“

„Престань плакать Луиза, сказалъ Ваничка. Если ты только хочешь, то опъ родителей своихъ за это не увидишь косога взгляда.“

„Хочу ли я? спрашиваешь ты, продолжала Луиза. Еслибъ это возможно было. Но какъ же это возможно сдѣлать, чтобъ родители мои на меня за это не сердились?“

„Очень легко, опвѣчалъ Ваничка. Теперь они еще не знаютъ, кто опрокинулъ споль и разбилъ фарфоръ. Смотри, вопъ лежишь въ углу ваша большая собака; мы ее приласкаемъ и она пошчасъ вспанеть, и когда придущъ швои родители, то мы скажемъ, что эту бѣду сдѣлала эта собака.“

„Какъ! мы должны будемъ солгать? спросила Луиза. Никогда я этого не сдѣлаю! Не ужели ты ду-

маешь, что я могу сколько уни-
зишься, чтобы обманушь своего
бабушку и бабушку? Ахъ, Ванич-
ка! какъ тебѣ не стыдно предло-
гать столь подлое средство.“

„Послушай, продолжалъ Ванич-
ка, если ты не хочешь унипре-
бить здѣсь маленькую необходимую
ложь, то за это много пострада-
ешь. Твои родители на тебя раз-
сердяшся, сдѣлающъ тебѣ строгій
выговоръ, и можешь быть еще
жестоко накажутъ.“

„Это правда,“ отвѣчала Луиза, и
нѣсколько задумалась; но спустя
минушу вдругъ вскричала: „Нѣтъ,
нѣтъ, никогда не хочу и не буду
обманывать моихъ родителей, и
лучше вытерплю самое жесто-
кое наказаніе, нежели сдѣлаюсь
лгуницей.“

Ваничка тотчасъ ушелъ домой;
вскорѣ послѣ него вошли роди-
тели Луизы въ эту комнату и увидя

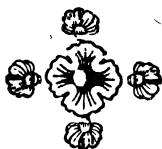
разбитый форфоръ, топчасъ спросили ее, кто это сдѣлалъ? Луиза, пошупя взоры, отвѣчала: „Любезнѣйшіе родители, въ этомъ я виновата; бѣгая неосторожно по комнатамъ, нечаянно задѣла за ножку стола, онъ упалъ и чашки разбились.“

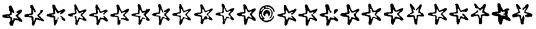
Луиза получила отъ нихъ жестокой выговоръ и опредѣлили въ наказаніе, чшобъ она не смѣла при дня сидѣть за однимъ столомъ съ ними. Это для нее было чрезвычайно больно и она безпрестанно плакала; но при семъ упѣшалась, что не послушалась совѣша Ванички и сказала родителямъ всю правду.

Луиза на всегда осталась столь же чистосердечною и справедливою, за то всѣ ее любили и во всемъ вѣрили.

Ваничка напрошивъ былъ всегда большой лгунъ. Ни кто съ нимъ не хотѣлъ имѣть дѣла, пошому что

не лзя было ему вѣришь. Вообще
всѣ его презирали, и опть шого онъ
велъ жизнь безокойную и не-
счастную.

ОБЪЩАННОЕ ДОЛЖНО ИСПОЛНИТЬ.

Эдуардъ былъ большой охотникъ до собакъ. Однажды дядя обѣщался подарить ему двухъ маленькихъ щенковъ, и чрезъ то доставилъ ему неописанную радость. „Но на что же мнѣ двѣ собачки? такъ разсуждалъ онъ; съ меня довольно и одной. Впрочемъ я знаю, что сдѣлашь: я подарю одного щенка своему другу Адольфу; онъ также очень любитъ собачекъ.“

Въ тотъ же день пошелъ Эдуардъ къ своему другу и обѣщался отдать ему, когда получишь отъ дяди одного щенка.

Адольфъ прыгаль опть радости. „Точно ли ты сдержишь свое слово, вскричалъ онъ, и подаришь мнѣ щенка?“

„Я уже тебѣ обѣщаль, опвѣчалъ Эдуардъ. Ты, кажешся, можешь мнѣ повѣришь.“

„Любезнѣйшій другъ! вскричалъ Адольфъ въ воспоргѣ и съ нѣжно-стію обнялъ его, позволъ мнѣ впередъ поблагодарить тебя за такой пріятный подарокъ!“

Чрезъ нѣсколько времени, дѣйствительно Эдуардъ получилъ опть дяди двухъ маленькихъ щенковъ. Тотчасъ позвалъ онъ Адольфа и сказалъ ему: „Капорый для себя болѣе нравишься, выбирай себѣ.“ При семъ просиль онъ Адольфа еще на нѣсколько дней оставить своего щенка у него. Но что же случилось? на другой день собачка Эдуардова сдѣлалась больна и чрезъ два дня умерла.

„Эдуардъ чрезвычайно объ ней жалѣлъ, и хопя у него оспался еще одинъ щенокъ; но сей былъ обѣщанъ Адольфу. Для него было очень больно распашься и съ послѣднею собачкою, и для того спросилъ своего опца: „Такъ какъ у него оспалась пеперь одна собачка; по обязанъ ли былъ сдержашь свое слово и опданъ щенка Адольфу?“

Опецъ, взглянувъ съ важносшію на Эдуарда, сказалъ ему: „Эшопъ, вопросъ ты самъ легко можешь рѣшишь. Есть у насъ пословица; *Честный телосѣкъ всегда держитъ свое слово.*“

„Любезный батюшка, отвѣчалъ Эдуардъ, хопя мнѣ очень жаль распашься съ собачкою, но я обѣщаль ее Адольфу, и пошому онъ ее получишь, и я сдержу свое данное слово.“

„Для меня эшо будетъ очень пріятно, сказалъ опецъ; такъ послу-

„паюшь все благородные люди. Если что обѣцано, то должно непременно исполнишь, хотя бы то было очень трудно.“— Адольфъ, узнавши, что собачка Эдуардова умерла, пришелъ къ нему, и сказалъ: „Оставь у себя другаго щенка, и хотя бы мнѣ его обѣцалъ, но я не хочу опияшь у себя послѣдняго.“

Но Эдуардъ не хотѣлъ о томъ и слышать. „Что я обѣцалъ, сказалъ онъ, то хочу исполнишь“ и наконецъ Адольфъ принужденъ былъ взять послѣдняго щенка себѣ.

ЛЕОПОЛЬДЪ И ХРИСТОФОРЪ.

Леопольдъ и Христофоръ были между собою хорошіе приятели. Видѣлись они каждый день и ходили вмѣстѣ въ одну школу учиться. Наружность Христофора имѣла нѣчто привлекательное, припомъ же онъ умѣлъ къ спашу приипно говорить, и своею ловкостію много для себя выигрывалъ.

Напрошивъ Леопольдъ былъ мальчикъ просподушный, безъ всякихъ комплиментовъ. Но нельзя его было назвать невѣжливымъ, ибо онъ со всѣми былъ учивъ и ласковъ; но не доставало въ немъ ловкости и краснорѣчія Христофора. За по

онъ былъ гораздо чистосердечнѣе его.

Многіе люди, которые обыкновенно судящъ по наружности, во всемъ болѣе предпочитали Христофора Леопольду. Къ числу первыхъ принадлежалъ Федоръ Вильбергъ; онъ желалъ имѣть друзей, и нашелъ ихъ въ Христофорѣ и Леопольдѣ. Онъ почти ежедневно бывалъ съ ними вмѣстѣ, и чрезвычайно ихъ любилъ. А такъ какъ Христофоръ чрезвычайно льстилъ Фединькѣ, то и приобрѣлъ къ себѣ болѣе его любви и довѣренности, нежели Леопольдъ. Но шѣ, которые лучше знали Христофора, замѣчали, что онъ только наружно показываешь такую дружбу къ Фединькѣ, потому что сей часно посылалъ ему въ госпинецъ изюму и финиковъ. И вообще Христофоръ при своихъ дружескихъ услугахъ, наблюдалъ всегда общ-

венную свою пользу. Опъ кого онъ болѣе получалъ подарковъ, къ тому былъ гораздо ласковѣе и услужливѣе.

Но въ самомъ дѣлѣ, Христофоръ гораздо хуже думалъ о Оединькѣ, нежели Леопольдъ. Иногда за спиною смѣлся надъ нимъ и называлъ маленькимъ дурачкомъ, копораго, если кому угодно, всякой можешь водить за носъ. Напропивъ Леопольдъ хвалилъ его всегда какъ прилѣжнаго и дѣятельнаго мальчика, и защищалъ, если несправедливо надъ нимъ смѣялись.

Между тѣмъ Оединька сего не замѣчалъ, и какъ Христофоръ всегда казался по наружности слишкомъ привязаннымъ къ нему, то онъ почиталъ его за лучшаго и искреннѣйшаго друга. Это больно было Леопольду, что Оединька иногда забывалъ его и болѣе довѣрялъ Христофору, нежели ему; од-

нако не говорилъ объ этомъ ни слова, и ~~Фединька~~ Фединька оспался при прежнихъ мысляхъ.

Но вскорѣ узналъ Фединька, который изъ двухъ его коропкихъ знакомыхъ лучшей пріятель. Опець его распродалъ весь поваръ, какой у него былъ, такъ что сынъ не могъ уже болѣе пользоваться ни изюмомъ, ни финиками. Съ сего времени Христофоръ вдругъ перемѣнился и спалъ слишкомъ равнодушень къ Фединькѣ. Прежде посѣщалъ его каждый день; теперь онъ его не видалъ по нѣскольку дней сряду. Прежде встрѣчалъ его съ припворнымъ восхищеніемъ сими словами: „Здравствуй, любезнѣйшій дружище! какъ я радъ, что тебя вижу! здоровъ ли ты?“ Теперь же привѣтствовалъ его однимъ только словомъ: „Здравствуй“ и всегда разговаривалъ съ нимъ очень сухо.

Фединька не могъ довольно на-

дивишься сей странной переменѣ въ обращеніи Христофора. Онъ началъ повѣрять себя, не обидѣлъ ли его чѣмъ нибудь, но не могъ себя ни въ чемъ упрекнуть. Одинъ его поварищъ, съ кошорымъ онъ объ эпомъ говорилъ, засмѣялся и сказалъ ему: „Я знаю причину, опъ чего Христофоръ такъ сухо и равнодушно обходится съ побою:— пы ему не присылаешь шеперь болѣе ни изюму, ни финиковъ.“

Теперь увидѣлъ Оединька ясно причину, и чшобъ болѣе удостовѣриться, чшо Христофоръ ему ложный другъ, онъ купилъ однажды изюму и попочивалъ Христофора; въ ту же минушу сей послѣдній опянь спалъ къ нему такъ ласковъ и услужливъ, какъ и прежде.

Съ сего времени Оединька внутренно началъ презирашь Христофора; но за шо болѣе полюбилъ Леопольда, кошорый въ обращеніи

съ нимъ никогда не перемѣнялся и всегда одинаково любилъ его.

Однажды Фединька вмѣстѣ съ Христофоромъ и Леопольдомъ пошли гулять. Дорогою встрѣшили они нѣсколько рѣзвыхъ мальчишекъ, копорые были сердиты на Фединьку. Они начали его жестоко бранить и даже грозились поколошить. — Какъ скоро Христофоръ это услышалъ, то сказалъ своимъ поварищамъ, что ему надобно скорѣе поспѣшать домой, для того, чтобъ окончить нѣкопорое важное дѣло. — Прежде нежели окончилъ сіи слова, онъ уже убѣжалъ отъ нихъ далеко.

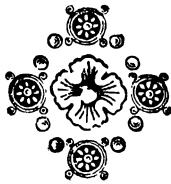
Но Леопольдъ остался на мѣстѣ, ибо онъ не хотѣлъ выдать своего друга и позволилъ другимъ приближить его. Тогда мальчики хотѣли на Фединьку напасть, но Леопольдъ вспунилъ впередъ и сталъ защищать своего друга. Мальчики бро-

сились и на него, но сей защищался храбро, шѣмъ болѣе ободрялъ Эединьку, который также съ мужествомъ отъ нихъ оборонялся. Отъ сильнаго удара у Леопольда вскочила на лбу большая шишка; но онъ не обращалъ на это вниманія, и продолжалъ битъ негодныхъ мальчишекъ до шѣхъ поръ, пока всѣ они отъ него разбѣжались.

Послѣ сего Эединька бросился обнимать Леопольда и вскричалъ: „Ахъ! сколько я тебѣ обязанъ, что ты защитилъ меня отъ сихъ буйновъ. Теперь только я удостоверился, что ты дѣйствительно мнѣ искренній другъ, и что пословица справедливо говоришь: *вѣрный другъ познается въ несчастіи.*“

Съ сего времени Леопольдъ снискалъ полную довѣренность Эединьки. Но съ Христофоромъ Эединька совсѣмъ разнакомился; ибо

довольно ясно при семъ обнаружилъ себя, что онъ ни что иное, какъ презрѣнный льстецъ и лицемеръ.

ГРИША И МАШИНЬКА:

Гриша и Машинька были родные братья съ сестрою; но во многихъ случаяхъ они оказывали совершенно различныя склонности, особливо они были различнаго мнѣнія въ разсужденіи учпивоспи и услужливоспи.

Гриша старался оказать услугу другимъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и дѣлалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ, не думая о благодарности и наградѣ, и чрезъ это много для себя выигрывалъ, ибо и другіе плапили ему тѣмъ же.

Совсѣмъ иначе думала сестра его. Она ни кому охотно не старалась

доспавившь удовольствія; даже для своего брата часто во многомъ опказывала. „Что у меня ешь, говорила она, то мнѣ нужно для себя, и что мнѣ за радость дѣлать удовольствіе другимъ.“

„Любезный Гриша, сказалъ однажды маленькій Францъ, я къ тебѣ пришелъ съ небольшою просбою.

„Что тебѣ надобно? спросилъ его Гриша; если я могу чѣмъ нибудь служишь тебѣ, то съ удовольствіемъ сдѣлаю.“

„Не будешь ли ты на меня сердиться, сказалъ Францъ, что я у тебя попрошу. Мнѣ бы хотѣлось на сегодняшній день имѣть твое ружье, потому что обѣщались быть ко мнѣ нѣкоторые пріятели, съ которыми я хотѣлъ сирѣчь въ цѣль.“

Хотя Гришѣ самому нужно было въ сей день ружье, чтобъ идти въ ближнюю роцу съ своими сосѣд-

ми спрѣлять дичь, даже за нѣсколько дней къ сему времени приготовили все нужное. Но хопя ему очень не хопѣлось опдашь свое ружье шеперь другому, однако мысль, что чрезъ это доставишь удовольствіе Фрицу, опняла охоту самому спрѣлять; онъ принесъ ружье и опдалъ его Фрицу, который былъ внѣ себя опъ радости.

Когда Фрицъ ушелъ, то Машинька сказала брашу: „Какъ ты глупъ, Гриша! опдаешь свое ружье другимъ, лишая себя удовольствія. Я бы на швоемъ мѣспѣ ни за что не опдала бы Фрицу ружье.“

„Сесприца, сказалъ Гриша, я обь этомъ думаю совсѣмъ иначе, нежели ты. Я думаю, что каждый человекъ долженъ оказывашь услуги другимъ и шогда, когда принужденъ бываетъ даже пожертвовашь сво-

имъ удовольствіемъ; ибо это бываешь гораздо пріятнѣе. Я хотѣлъ самъ идти съ ружьемъ въ лѣсъ, насладиться удовольствіемъ, спрѣлая пшицъ; шеперь же, признаюсь тебѣ, ружье мое доставило мнѣ гораздо болѣе удовольствія, когда отдалъ его Фрицу, который сколько обрадовался сему.“

Вскорѣ послѣ сего разговора пришла Лизанька, подруга Машиньки. „Милая Маша, сказала она, не можешь ли ты мнѣ сдѣлать небольшое одолженіе?“

При словѣ *одолженіе*, Машинька вдругъ приняла на себя важный видъ и вздернула носъ.

„Я пойду сего дня, продолжала Лизанька, съ своими родителями прогуливаться. Мы хотимъ идти на гору и опъ шуда желала бы посмотреть на мѣстоположеніе въ цвою подзорную трубку, которую

недавно подарилъ тебѣ дядюшка. Повѣрь, что я доставлю ее въ цѣлоспи.“

„Любезная Лизанька, отвѣчала Машинька, охотно я дала бы тебѣ мою шрубку; но можешь ли ты сего дня самой вздумаешься идти гулять и взять ее съ собою. Въ другое время съ удовольствіемъ я дамъ тебѣ хоть на нѣсколько дней.“

„Такъ и бышь, сказала Лизанька, я вижу, что ты не хочешь и не можешь дать мнѣ шрубки. Но мнѣ пора домой. Прощай!“ — Съ этими словами она удалилась.

„Сестрица! сказалъ Гриша, какъ тебѣ не стыдно было опоздать ей въ эпомъ. Развѣ тебѣ сего дня необходимо нужна твоя шрубка? Однако....“

„Молчи! прервала его Машинька, я не очень люблю раздавать другимъ свои вещи. Развѣ не можешь легко

Лизанька испоршишь мою подзорную шрубку?»

Гриша покачалъ только головою. „Если я когда нибудь захочу сдѣлаться столь скупымъ и неслужливымъ, какъ ты, сказалъ онъ улыбаясь, то мнѣ надо будетъ научиться у тебя.“—И съ сими словами онъ вышелъ изъ комнаты сестры.

Такимъ образомъ Машинька ошдѣлывалась ошъ всѣхъ для нее непріятныхъ предложеній, и неслужливосшь ея извѣспна спала всѣмъ.

Однажды родишели Гриши собрались иди гулять на прекрасную мызу, гдѣ часшо завтракали прекрасныя гусныя слизки. Они хотѣли взять съ собою дѣпей, которые чрезвычайно были шому ради. На дорогѣ, ведущей къ мызѣ, находили много разныхъ достопримѣчательныхъ камней; Гриша же съ большимъ спараніемъ собиралъ

маленькій минералогическій кабинетъ. Для сего шеперь надобно ему было взять съ собою кожаный мѣшечекъ и молотокъ, копорымъ прежде откалываль кусочикъ каждаго камня, чпобъ узнать, нѣшь ли уже шаковаго въ его кабинетѣ. Но у него сихъ вещей не было своихъ.

Фрицъ же, шаже большой охопникъ до минераловъ; имѣль свой кожаный мѣшечекъ и маленький молотокъ. Гриша спѣшилъ къ нему, чпобъ попросишь у него на сей разъ помянушихъ вещей. Но не дошедши еще до его дома, встрѣпилъ самого Фрица съ кожанымъ мѣшкомъ на плечѣ и съ молоткомъ въ рукахъ.“

„Куда ты идешь, любезный Фрицъ?“ спросиль его Гриша.“

„Собирашь камни, отвѣчалъ Фрицъ.“

„Я самъ было хопѣль сего дня

идши для сего вмѣстѣ съ своими родителлями,“ и разсказалъ Фрицу, для чего онъ шель къ нему.

Фрицъ, выслушавъ его, вскричалъ: „Любезнѣйшій другъ! тебѣ надобны мѣшокъ и молошокъ? Вошь, ени, возми ихъ!“

Гриша опговаривался приняшь опъ него сіи вещи, не желая лишить самого Фрица сего удовольствія. Но Фрицъ сказалъ; „Нѣтъ, нѣтъ, добрый Гриша, ты долженъ: взяшь опъ меня молошокъ и мѣшокъ; и я до тѣхъ поръ опъ себя не опспану, пока ты не примешь ихъ. Развѣ ты для меня мало сдѣлалъ одолженія, давши мнѣ своегѣ ружья? Позволь же и мнѣ, въ свою очередь, такъ же тебѣ опслужишь.“

Гриша былъ пронуть сею признательностію Фрица и поблагодаривши опъ всего сердца за его дружбу, взялъ опъ него мѣшокъ и молошокъ.

Между тѣмъ Машинькѣ было очень досадно, что собираясь гулять на мызу, разорвала нечаянно свою вуаль шакъ, что не лъзя было уже надѣшь. Но безъ вуали не хотѣлось ей идиши, пошому что это случилось послѣ обѣда въ самой жаркой лѣпнѣй день. И шакъ она рѣшила послать просишь вуали у Лизаньки; однако сія приказала сказашь, что ей самой нужно. Пошомъ посылала еще къ Юліи, Анюшѣ и другимъ подругамъ; но опъ всѣхъ получала пошъ же отвѣшь.

Машинька на нихъ чрезвычайно разсердилась; братъ же, возвращаясь съ мѣшкомъ и молопкомъ, рассказалъ ей, какъ дружески уступилъ ему Фрицъ сіи вещи, погда она сказала „Ты почно тсраздо счастливые меня. Подумай, какая мнѣ досада! посылала я къ шесши подругамъ просишь вуали, и ни одна не

хотѣла мнѣ дать! Онѣ должны бытъ негоднѣйшія швары!“

„Ты сама не права, ошевѣчалъ Гриша, и не за что бранишь своихъ подругъ. Онѣ сами опъ себя прежде не видали ни какихъ услугъ и одолженій, и чрезъ это ты заставила ихъ такъ дурно обходиться съ собою.“

Машинька, слыша сіи упреки отъ брата, еще болѣе разсердилась. Она должна была избрать одно: или оспаться дома, или безъ вуали идти на мызу. Наконецъ рѣшилась на послѣднее; но дорогою такъ ее безпокоили палящіе лучи солнца, и такъ сдѣлалась она невесела, что прогулка сія казалась для нее болѣе мученіемъ, нежели удовольствіемъ.

Но и въ продолженіе всей жизни часто случалось съ Машинькою подобное сему. Ни кто не хотѣлъ дѣлать для нее ни малѣйшаго одолженія за то, что она сама всегда

была неласкова и неуслужлива. Напрошивъ того Гришу, за его услужливостъ и прочія хорошія качесства души, всѣ любили и многіе покровительствовали ему. Онъ былъ счастливъ, и другіе поспавляли себѣ за удовольствіе сдѣлать для него какое либо одолженіе. *Услужливыиъ людаиъ платятъ также услугою.*

оооооооооооо о оооооооооо оооооо оо оооооооо оо оо оооооо оо оо оо оо оо

ЧЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА.

Господинъ Еделбергъ, однажды съ своими дѣшми, Аделбергомъ и Францомъ, пошелъ прогуливаться. Дорогою встрѣшилась имъ бѣдная женщина, копорая едва тащилась, опираясь на свой костыль. За спиною у ней привязана была корзина, въ копорой спалъ ея дитя.

Дѣши очень сожалѣли о бѣдной женщинѣ, и Г-нъ Еделбергъ остано-вился и началъ ее спрашивать объ ея жизни.

„Ахъ! добрый господинъ, я живу худо, слишкомъ худо! отвѣчала женщина, и рассказывала ему, какую бѣдственную жизнь она ведетъ, и

какъ часто случается, что не имѣешь куска хлѣба и не знаешь гдѣ и какъ достанешь нѣсколько полусекъ денегъ.

Она изображала имъ свою несчастную жизнь съ такою протавельносною и чистосердечіемъ, что Г-нъ Еделбергъ и его дѣти пронужены были до слезъ ея бѣдствіями и дали ей нѣсколько грошей. — Она, поблагодаривши ихъ, побрѣла далѣе, а Г-нъ Еделбергъ съ Аделбертомъ и Францомъ пошли своею дорогою.

Вскорѣ потомъ слышатъ они позади себя громкій крикъ.

Они оборачиваются и видятъ, что та женщина манитъ ихъ къ себѣ рукою. „Ворѣшнесь, ворошнесь, кричала она имъ; вы что-то пошеряли.“

Г-нъ Еделбергъ съ дѣтьми пошелъ эпяль назадъ къ ней. „Я нашла

кошелекъ съ червонцами, сказала она имъ; вѣрно это вашъ.“

Но Г-нъ Еделбергъ ни чего не поперялъ. „Кошелекъ не мой, опвѣчалъ онъ, и пошому онъ не миѣ принадлежитъ.“

Бѣдная женщина не знала, что ей начать съ найденными деньгами. Наконецъ она просила Г-на Еделберга взять кошелекъ къ себѣ, и пошомъ объявишь, кѣмъ онъ найденъ и оцъ кого можно получишь назадъ.

При сихъ словахъ прискакалъ верхомъ молодой человекъ и оспановился подлѣ разговаривающихъ. „Не поперяли ли вы, можете бышь, денегъ?“ спросила его бѣдная женщина.

„Ахъ! ты угадала, опвѣчалъ молодой человекъ, я поперялъ кошелекъ съ золопомъ, и я буду несчастнѣйшимъ, если не найду сихъ денегъ.“

„Но сколько было золота въ потерянномъ кошелкѣ?“ спросилъ его Г-нъ Еделбергъ.

„Въ немъ было двѣсти червонцевъ.“

„Какой кошелекъ?“ спросилъ опять Г-нъ Еделбергъ.

„Вязанный изъ зеленаго шелка, и на концѣ немного худъ, опивчалъ молодой человѣкъ.“

Осмотрѣвши кошелекъ, и видя, что онъ дѣйствительно былъ шаковъ, каковымъ описалъ его молодой человѣкъ, Г-нъ Еделбергъ, показывая кошелекъ, спросилъ его: „Не вашъ ли это?“

„О Боже! какъ я счастливъ! вскричалъ молодой человѣкъ. Деньги нашлись! это пошъ самый кошелекъ! Боже! Боже! какъ я счастливъ!“

Перещипали червонцы, въ семь кошелкѣ находящіяся. Точно, ихъ было ровно двѣсти, и послѣ сего

ни кто не сомнѣвался, что сіи деньги принадлежатъ дѣйствительно сему молодому человѣку. Онъ былъ прикащикъ богатаго купца, и деньги сіи принадлежали его хозяину.

„Честная и добродѣтельная женщина! сказала молодой человѣкъ, пронувшій до слезъ ея поступкомъ, никогда не забуду, сколь много за сіе шебѣ обязанъ. Я бы сдѣлался несчастнѣйшимъ человѣкомъ, если бы не получилъ опъ шебя сихъ пошерянныхъ денегъ.“

Прикащикъ, въ знакъ своей благодарности, предложилъ бѣдной женщинѣ два червонца. Но она не хощла ихъ принять, и только съ трудомъ принудили ее взять. Наконецъ молодой человѣкъ просился съ нею, благодаря ее опъ всего сердца, и поѣхалъ съ радостію назадъ. Г-нъ Еделбергъ подалъ ей свою руку и сказалъ: „Миѣ чрез-

вычайно пріятно узнать тебя короче; ты честнѣйшая и добродѣпельнѣйшая женщина, и Богъ за то благословишь тебя и наградишь щедро!“

Потомъ разсказалъ онъ ей, гдѣ самъ живетъ, и просилъ ее чаще навѣщать, что она съ удовольствіемъ общала исполнить и наконецъ ласково проспился съ нею.

„Однако она въ самомъ дѣлѣ честная и добрая женщина! сказала Аделбертъ.“

„При всей бѣдности, она такъ честна, прибавилъ Францъ. Она сама нуждается въ деньгахъ, однако опдала назадъ ихъ настоящему хозяину.“

„Такъ всегда долженъ поступать каждый честный и благородный человѣкъ. Величайшая нужда не должна его заславить уклониться отъ добродѣтели и не опдать каждому принадлежащее. Найден-

ныя вещи также долженъ онъ возврашшь въ цѣлости наспо-
ящему хозяину ихъ, и вообще че-
спный человѣкъ долженъ всегда
такъ вести себя, чшобы ни кто
не могъ его упрекнутьъ ни въ чемъ.“

Дѣши общались бышь всегда
чеспными и справедливыми, чшобъ
чрезъ то заслужишь отъ другихъ
хорошее о себѣ мнѣнїе.

Чеспная женщина посѣщала ино-
гда Г-на Еделберга, и не только
отъ него и всего семейства была
ласково встрѣчаема, но всякой
разъ они щедро дарили ее необхо-
димыми вещами, и всегда были
ради видѣнїя ее.

СОЛНЦЕ.

„О какъ величественно сіяетъ солнце! вскричалъ Теобальдъ однажды въ ясный весенній день. Безъ него природа не имѣла бы столько красоты.“

„Ты правъ, сказалъ на сіе учитель Теобольда. Солнце оказываешь великія благодѣянія для всей земли. Оно во первыхъ освѣщаетъ ее, и безъ него земля наша была бы покрыта вѣчною темнотою. Также согрѣваешь всю землю; и безъ солнца у насъ была бы вѣчная зима и морозы. При его свѣтѣ и шеплошѣ все въ природѣ растетъ и живетъ. Безъ него ни расшѣнія, ни

животныя не могли бы существовать и питаться; безъ него не было бы истинной жизни, ни того великолѣпія, ни радостей, коимъ нынѣ ощущаемъ.“

„О какъ благодушельно солнце! сказала Теобальдъ; но какъ же долженъ бышь всемогущъ Творецъ, создавшій его!“

Да, любезный Теобольдъ, продолжалъ учитель, Творецъ всемогущъ, но при томъ милосивъ и щедръ. Но люди должны спараться заслужить Его любовь. Они за то должны любить своихъ ближнихъ и оказывать другимъ благодѣянія. Какъ солнце изливаетъ на всю вселенную радости и благословенія, такъ и люди, удостоившіеся любви Божіей, подобно солнцу являюща между людьми и спарающа доставивши другимъ помощь и утѣшеніе!“

Теобальдъ со вниманіемъ спарал-

ся замѣшишь сіи истины, и по-
шомъ съ учипелемъ пѣль слѣдую-
щую пѣснь:

Да повѣдаетъ чудесный
Сонмъ безчисленныхъ свѣшилъ
Славу Бога, кто небесной
Тверди бышность положилъ!

* *
*

Въ солнцѣ, Ты, о Всемогущій!
Образъ свой знаменовалъ:
И сей рано въ міръ грядущій
Исполниъ уже возспалъ.
А Твое величье, Боже! . . .
Не женихъ, оспавя ложе,
Изъ чершого въ путь идетъ:
Всходишь солнце и играешь,
Свѣтитъ, грѣетъ, оживляетъ,
И какъ Ты, щедроты льешь.

* *
*

О источникъ живопворный!
Все, что дышешь, все хвала!—
Какъ блаженъ Тебѣ покорный!
Истина Твоя свѣпла
И суды Твои всѣ правы;

Страхъ Твой — ключъ неплѣнной
 славы:

Какъ Тебя намъ не любить?—
 Ты насъ юныхъ прѣсвѣщаешь,
 И младенцевъ умудряешь
 Свѣтъ изъ тьмы многій шворить!

* *
 *

Укрѣпи, о Боже! вѣру
 Сердца слабаго сего,
 И души исполни мѣру
 Страха Отца Твоего.
 Твой законъ всего священнѣй,
 Злата, перловъ драгоцѣннѣй! (*)

(*) Сокращенно изъ сочиненій Н. Иванчина Писарева.

НЕБО УСЪЯННОЕ ЗВЪЗДАМИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Однажды вечеромъ Теобальдъ пошелъ прогуливатьсь съ своимъ учителемъ. Время было пріятное; глубокая тишина мало по малу распространялась во всей природѣ, сумерки спановились темнѣе, наконецъ наступила ночь.

Небо усъяно было звѣздами, ярко блестящими на голубомъ горизонтѣ. Теобальдъ, любуясь ими, сказалъ съ восторгомъ: „Какъ пріятна и величественна звѣздная ночь!“

„Я съ тобою согласенъ, сказалъ учитель; и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ самъ разсматриваю

безчисленныя блестящія звѣзды. Но знаешь ли ты, любезный Теобальдъ, что такое звѣзда?“

„Конечно это должны быть большіе свѣщающіеся шары; опвѣчалъ Теобальдъ; и можешь быть многіе изъ нихъ величиною съ нашу землю.“

„Величиною съ землю? спросилъ учитель. Нѣтъ, ты еще не имѣешь яснаго понятія о звѣздахъ. Величина ихъ невѣроятная; земля наша ничего не значить въ сравненіи съ ними; сіи огромныя удивительныя небесныя шѣла, блестящія теперь надъ нами, въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе нашей земли.“

„Это не возможно! продолжалъ Теобальдъ; онѣ кажутся такъ малы.“

„По сему не можешь ты заключать о ихъ величинѣ, сказалъ учитель; ибо онѣ находящся въ чрезвычайно большомъ отдаленіи отъ нашей земли, а отъ того и кажутся онѣ такъ малы. Нѣкоторыя изъ

нихъ получающъ свой свѣтъ отъ солнца, и называющяся планетами; прочія же имѣютъ собственный свѣтъ, и называющяся неподвижными звѣздами. Всѣ онѣ движутся, отъ сотворенія міра, вокругъ своей оси, и до сихъ поръ находишяся на же правильность въ ихъ движеніи, копорой разумъ человѣческій никогда не перѣспанетъ удивляшяся. Вѣроятно, что всѣ сіи безчисленные міры, копорые мы называемъ звѣздами, населены живыми существами.“

Учитель много подобнаго разсказывалъ еще Теобальду о звѣздахъ: Наконецъ сей послѣдній, съ благоговѣніемъ, возведя взоры къ небѹ, вскричалъ: „О какъ всемогущъ создавшій сіи безчисленные звѣзды!“

„Могущество Его не имѣетъ никакихъ предѣловъ, продолжалъ учитель; мы должны всегда молишяся

и благодаришь Его, когда объ Немъ
разсуждаемъ.“

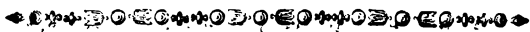
„Какъ прекрасно изображаетъ
каршину ночи одинъ изъ любимыхъ
Рускихъ Поэшовъ,“ сказалъ дия, и
прочель слѣдующіе прекрасные
спихи: (*)

Уже упомившійся день
Склонился въ богрянныя воды;
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная спелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эфирной,
И Гесперьъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своею!
Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрыва-
ломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ!

(*) Соч. В. А. Жуковскаго; изъ Сѣверныхъ
цвѣшовъ, на 1825 годъ.

Своимъ миротворнымъ явленіемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ
Томимую душу поской,
Какъ маперь дитя, уснокой!

ЛУНА.

(ОКОНЧАНИЕ).

Едва учитель окончилъ послѣд-
нія слова пѣсни, какъ вдругъ Те-
обальдъ съ изумленіемъ и ужасомъ
вскричалъ: „Ахъ! посмотрише, по-
смотрише, что это тамъ такое?
мнѣ кажется пожаръ!

Вдали, лежащая гора, казалось,
была вся въ пламени, и представ-
ляла ужасное и вѣспѣ великолѣп-
ное зрѣлище.

„Это не пожаръ, сказалъ учитель
Теобальду; успокойся и не бойся
ни чего. Огненный шаръ, который
тамъ виденъ, не иное что, какъ
мѣсяцъ, восходящій за сею горою.“

Вскорѣ постепенно исчезло яркое огненное пламя, и наконецъ явилась блѣдная, крошкая луна. Казалось, она ласково на землю улыбалась и распространяла по всей природѣ свой блѣдный пріятный свѣтъ.

„Какая чрезвычайная величина должна быть мѣсяца! сказалъ Теобальдъ, когда звѣзды кажутся намъ столь маленькими, но при томъ превосходятъ величиною нашу землю въ нѣсколько тысячъ разъ; то какъ же должна быть велика луна, которая кажется намъ гораздо больше звѣздъ!“

„Однако луна не много больше нашей земли, вокругъ которой обращается, продолжалъ учитель. И ось шого кажется она намъ больше звѣздъ, что гораздо ближе къ землѣ. Какъ пріятень ея свѣтъ! Она представляеть намъ прекрасный примѣръ тихой дѣяшельности“

и шаковыхъ же благодѣній. При видѣ ея мы должны ободрять и поощрять себя, жить на землѣ между людьми скромно и стараться оказывать благодѣнія такъ, чтобы другіе не знали о семъ.

Въ сію минушу слышали они въ ближнемъ саду голосъ, копорый, въ сопровожденіи арфы, пѣлъ слѣдующую пѣснь:

Странникъ небесъ величавый,
 Мѣсяцъ, отрада ночей!
 Миренъ твой путь одинокій
 Въ синихъ воздушныхъ поляхъ.
 Свѣтелъ, какъ радость плывешь ты.
 Моремъ широкимъ и чистымъ,
 Гордый, какъ лебедь, на землю
 Смогъришь съ высокихъ небесъ.

* * *

Странникъ небесъ одинокій,
 Знаешь ли ты, что печаль? ...
 Часто бѣгуція тучи
 Ясное кроютъ чело,
 Часто, совсѣмъ исчезаешь

Съ чистой лазури небесъ:
 Гдѣ ты, небесный, бываешь?
 Что тамъ въ незримой спранѣ?
 Если тамъ земли иныя?
 Если тамъ люди какъ мы?
 Ахъ! для чего не возможно
 Въ свѣтлый потъ рай перейти?
 Можешь тамъ люди не злобой,
 Дружбою дышатьъ одной,
 Краткую жизни минушу
 Скорбью проспой, не мрачать,
 Сердце не знаетъ обмана
 Въ милыхъ желаньяхъ своихъ;
 Тамъ, можешь — кроется счастье —
 Вѣчныхъ исканій предметъ.

* *

Долго по чистому небу
 Спранствовать будешь — доколѣ
 Счастье узришь не земля.
 Свѣтильникъ — небесъ порожденье,
 Госпемъ минувнымъ приходитъ
 Въ хижину смертныхъ оно.
 Тщетно, плѣнные сердцемъ,
 Съ нами помедлишь зовемъ —
 О счастье бѣжитъ: мы спремимся —
 Ловимъ лишь призракъ одинъ!

* *

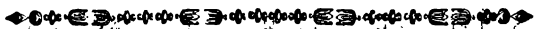
Шествуй же мирной стезею;
 Странникъ, и скорби не знай;
 Грусть тяжела одинокимъ;
 Кто утѣшенье подастъ? (*)

Въ то же время не подалеку отъ нихъ въ кустарникъ запѣлъ соловей. Они слушали долго съ пріятнымъ изумленіемъ его меланхолическую пѣснь, и наконецъ тихонько пошли домой.

Сей вечеръ произвелъ глубокое впечатлѣніе на сердце Теобальда.

(*) Соч. Мещевскій; изъ Невскаго Альмонаха, на 1826.

НЕУЧТИВЫЙ ЛОРЕНЦЪ.

Родители маленькаго Лоренца такъ были заняты, что мало оставалось имъ времени для наблюденія за поступками ихъ сына; они были недоспающіе люди и не могли нанять для него учителя; часто оставался онъ одинъ дома, или съ слугами. Следствиемъ сего было то, что онъ сдѣлался рѣзовъ и получилъ много худыхъ привычекъ.

Между сими дурными склонностями Лоренца, замѣтна была особенно въ немъ неучтивость, которая съ каждымъ днемъ, казалось, увеличивалась. — Встрѣчаясь съ

своими знакомыми, онъ рѣдко снималъ шляпу, чѣмъ поклонился имъ. Даже не рѣдко проходилъ мимо своего учишеля, не оказавши ему ни малѣйшаго знака почтенія, копорымъ обязаны ученики своему учишелю.

Иногда, посѣщая своихъ пріятелей, не рѣдко случалось, что взшедши, не кланялся ихъ родителемъ, и когда хотѣлъ идти, то никогда также съ ними не прощался.

Когда бывалъ Лоренцъ въ обществахъ хорошихъ людей, то садился обыкновенно въ срединѣ между ими, и никогда не прогался съ мѣста, видя, что старѣе его стояли, и почти ни кому не хотѣлъ предложить своего мѣста.

Если встрѣчался кто нибудь ему на улицѣ, то онъ всегда прямо шелъ и ни кому не хотѣлъ уступить дороги. Однажды не хотѣлъ онъ уступить дорогу по-

чпенной старой женщи́нѣ. Однако́ это́ ему́ такъ не прошло. Одинъ высокій мущина, вблизи стоявшій, увидя́ сіе, попча́сь подбѣжалъ къ нему, и ухвапивиши за руку, далеко опшолкнувъ его́ прочь, говори́лъ ему́: „Глупый мальчишка, не ужели у тебѣ́ не доспало ума́ на то, чшобъ уступишь дорогу́ хошя почпенной, старой женщи́нѣ?“ Многіе въ сіе время, проходя мимо, оспанавливались, и осуждая невѣжливый поступокъ Лоренца, благодарили высокаго человѣка, что онъ его́ порядкомъ шолкнулъ.

Сія сцена оспалась на всегда въ намяти Лоренца. Онъ опошелъ прочь со спыдомъ, и когда послѣ дорогою кто нибудь ему́ вспрѣчался, то онъ безпреспанно оглядывался, не споишь ли вблизи его́ топъ высокой человѣкъ. Лоренць былъ неучивъ даже прошивъ своихъ родителей. Онъ часшо за-

бывалъ, вспавши по ушпру, подойти къ нимъ пожелашъ добраго ушпра, равно ложась спать не рѣдко забывалъ проспиться съ ними. Иногда въ разговорахъ съ своими родителами, онъ бывалъ также грубъ и невѣжливъ, и забывалъ о почтеніи, которое дѣши обязаны всегда имѣть къ своимъ родителамъ.

Слѣдствіемъ было то, что всѣ вообще порицали Лоренца; ни кто его не могъ терпѣть. Называли его неучпивымъ, несноснымъ мальчишкою, или даже грубіаномъ; другіе дѣши не охотно принимали его въ свои игры, и много разъ онъ принужденъ былъ сносить большія непріятности за свою неучпивость.

Родители видя, что дурныя привычки ихъ сына съ каждымъ днемъ спановились несноснѣе, вздумали отыскать его въ школу, гдѣ спрого-

спію заставляли быти хорошимъ. Здѣсь Лоренцъ сначала былъ также неучивъ. Товарищи его надъ нимъ безпрестанно смѣялись и брали за споль глупую гордосшь. Вскорѣ онъ самъ увидѣлъ, что здѣсь надлежало ему опснати отъ всѣхъ своихъ глупыхъ привычекъ, и спалъ просинься, чтобъ взяли его опякъ домой, гдѣ ему свободнѣе было дѣлать все, что только захощеть. Однако желаніе его не исполнилось, и онъ оспался тамъ, куда былъ опданъ учинься.

Мало по малу Лоренцъ дѣлался учивѣе и ласковѣе, и даже былъ любимъ своими товарищами. Это ему самому нравилось и попому вшарался онъ съ каждымъ днемъ быти благонравнѣе. Ему казалось теперь непоняшнымъ, какъ онъ могъ прежде быти сполько неучивымъ и грубымъ, шѣмъ болѣе старался теперь опснати отъ

прежнихъ своихъ дурныхъ привычекъ и успѣвашь особенно въ благоправіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ свою школу съ большимъ сожалѣніемъ, даже его учителя и поварищи не охотно съ нимъ разставались; ибо онъ былъ у нихъ прилѣжнѣйшимъ и благоправнѣйшимъ изъ всѣхъ воспитанниковъ.

По возвращеніи его домой, родители вскорѣ замѣтили, что съ нимъ сдѣлалась великая, но спасительная переменна. Они весьма были пому ради, и съ большею горячностію полюбили: опять исправившагося сына.

СОГЛАСІЕ.

Едуардъ, Емилиѣ и Луиза были родные братья. Родители любили ихъ всѣхъ проихъ и доставляли имъ возможныя удовольствія. Однако они заслуживали, чтобъ ихъ любилъ. Они всѣ были добрые дѣти, доставлявшіе много радости родителямъ своимъ послушаніемъ, поведеніемъ и прилѣжаніемъ.

Но болѣе всего родителямъ нравилось между ихъ дѣтьми дружеское согласіе. Хотя были не всегда однѣхъ мыслей, но никогда не ссорились и не бранились. Если же и случались между ними иногда маленькіе споры, то пошчасъ спарались дружески окончивъ оныя.

Особенно Луиза умѣла потчасъ смягчить своихъ братьевъ, если они о чемъ либо спорили: потчасъ дѣлалась у нихъ посредницею, и никакъ не допускала, чшобъ споръ Емилиа съ Едуардомъ дошелъ до брани.

Чего одинъ изъ нихъ желалъ, по другіе спарались потчасъ для него исполнить. Они облегчали другъ другу взаимныя пруды.

Родители же, видя ихъ согласіе, радовались отъ всего сердца.

При концѣ жизни ихъ опца, когда дѣши спояли подлѣ его постели и горько плакали, онъ благословилъ ихъ и сказалъ: „Любезныя дѣши, вы всегда меня утѣшали вашимъ согласіемъ. Любите за всегда другъ друга съ такою горячностію, какъ и до сихъ поръ. Будьте благочеспивыми и добродѣшельными, и тогда благословишь васъ Господь.“

Дѣши никогда не могли забыть по-

слѣдней просьбы умирающаго опца. Они жили всегда согласно, любили другъ друга всѣмъ сердцемъ, на всегда оспались добрыми, и Богъ благословилъ ихъ.

К О Н Е Ц Ъ.

